

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Верещагин

Алексей Ефимов

ШАГ ЗА ГРАНЬ

Хрустальное яблоко

Олег Верещагин

Шаг за грань

«ЭКСМО»

2012

Верещагин О. Н.

Шаг за грань / О. Н. Верещагин — «Эксмо»,
2012 — (Хрустальное яблоко)

Исчезла Медленная Зона – и перед человечеством открылись просторы Вселенной. Казалось бы, нужно только радоваться предстоящим встречам с «братьями по разуму». Но Император Василий VI не скрывает своей озабоченности этими перспективами: «Не только нам откроется Вселенная. Мы тоже откроемся для Вселенной... Любой корабль любой расы отныне сможет достичь Земли – и никто не поручится, что намерения гостей окажутся добрыми... Мы пока что ничего не знаем о том, огромном мире – но мы должны быть готовы ко всему, даже к вторжению... Времени осталось очень мало – и поэтому я, как и мой коллега, Император Англо-Саксонской Империи, Его Величество Эдуард VII, объявляем на Земле военное положение...» Увы, правитель Русской Империи оказался прав – и земляне вынуждены вести войну на выживание...

Содержание

1. Распахнутая дверь	5
2. Кто стучится в дверь ко мне?	10
Братья по разуму	11
Обычные школьники	13
Контакт	20
Беда и жизнь	22
Смерть	26
Интерлюдия Йэнно Мьюри	32
205 год Галактической Эры	32
Из сообщений СМИ Йэнно Мьюри о событиях в Нижнем Крае	40
3. Сезон охоты	42
Из сообщений СМИ Йэнно Мьюри о событиях в Нижнем Крае	49
Общие сведения.	52
Объединенные вооруженные силы Земли	52
Сухопутные войска	52
Ополчение:	54
Космические корабли	55
4. Разоренный очаг	57
5. Отпор	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Олег Верещагин, Алексей Ефимов

Шаг за грань

1. Распахнутая дверь

Двадцать девятый год Промежутка

Девятилетний Борька Рокотов, сердито всхлипывая, рассматривал в зеркало ванной свою губу. Оттопыренная, она и без этого казалась втрое больше, чем обычно. Хотя – какой там «казалась», она такой и была, а изнутри ее «украшала» черная рана.

Губу Борьке разбил его лучший друг Витька Галюшин буквально двадцать минут назад. Начиналось все вполне обычно. Встретившись после школы, мальчишки, как договаривались, отправились на Волгу – проверить первый раз поставленные этой весной рачьи вентера. Там они вздули двух пиратов с противоположного берега, которые тоже решили проверить вентера, только чужие – пираты бесславно бежали, оставив ликующим победителям в качестве трофеев одно весло, две пары кедов и удочку. Борька и Витька решили немедленно, что агрессоры были на год («не, на два...», «да не, ты помнишь, здоровые такие, я прям до носа еле допрыгнул – на три!..») старше, и отпраздновали победу костром и прыжками вокруг него с дикими воплями, от которых лягушки в затоне массово попадали в воду в обмороке. Потом оказалось вдобавок, что раков попало немерено.

И вот тут все и произошло. Витька немедленно заявил, что самый большой рак у него. Он, Борька, вежливо указал, что – нет, фиг, вот самый большой – клешни как раздвинутые пальцы на руке – и он в *Борькином* вентере. И честно предъявил рака. Тогда Витька мерзко засмеялся и безосновательно ответил, что это только так кажется потому, что у Борьки руки маленькие, как у девчонки.

Борька въехал лучшему другу в ухо...

...Раскрытые вентера упали с обрыва, и раки обрели свободу, положив конец спору о своей величине. Кроме того, утонули сами вентера. Друзья заметили это уже позже, так как в тот момент они, окончательно потеряв человеческий вид, с урчанием, визгом и прочими мало-человеческими звуками катались вокруг костерка, терзая друг друга совершенно беспощадно и собирая на одежду весеннюю траву, грязь и пепел. Расцепились они только когда вкатились в костерок.

Оба являли собой жалкое зрелище – перепачканные, ревущие от ярости в два ручья каждый, встрепанные. Но Борьке повезло меньше – Витька успел захватить ему головой в подбородок – видимо, случайно – и вот...

...Набрав в рот жидкость для полоскания, мальчишка тихо заныл и, поспешно плюнув в раковину, стал яростно полоскать рот водой, приплясывая на месте от жжения. Потом опять исследовал рану и вздохнул. Да уж. И это еще никто не видел – он пробрался домой через огород, таясь за свежей зеленью... Одежду засунул в стирку в надежде: мама решит, что «это уже давно тут лежит», переделся, пригладился более-менее... но вот губа...

Борька опять всхлипнул и поклялся, что больше никогда Витьке словечка не скажет, раз он такой гад, предатель, да еще и по лицу головой бьет. Все. Дружба кончена. Навечно.

От этой мысли мальчишке стало совсем плохо, и он поплелся к себе в комнату – точнее, в комнату, которую делил с двумя младшими братьями. В голову лезли мысли, что драку вообще-то начал он сам, воспоминания, как ошалело моргал Витька, когда уселся на землю от удара в ухо, раздумья о том, что ухо у Витьки распухло, как вареник, и гудит, наверное...

А все равно сам виноват!!!

Усевшись на ковер, мальчишка включил телевизор. Новенький, стерео. Низачем включил, просто надеясь наткнуться на какую-нибудь передачу, которая его развеселит – ничего из любимых Борькой программ (типа документалок про освоение Солнечной, мультиков серий «Витязи» и «Серый конь мой» или концертных программ по старым песням) в это время еще не шло.

А включив – вздрогнул от неожиданно и властно вторгшихся в комнату звуков гимна «О, Россия!» и поднял голову. На фоне развевающегося государственного флага с гербом Империи сидел в кожаном кресле с высокой спинкой и смотрел прямо на Борьку...

...Борька ошалело уставился в экран. Личное обращение Императора к согражданам было чем-то неслыханным – ведь Император не политик из прошлого, ему нет нужды поднимать свою популярность дешевыми обещаниями. *К нему* мог прийти любой. *Он* приходил к людям редко... Да и оторвать все русское население Земли и других планет Солнечной системы от их важных и интересных дел – это не фунт изюму. Вне всяких сомнений, предстояло услышать нечто... нечто экс-тра-ор-ди-нар-но-е. Необычное, на взрослом языке.

И Борька не ошибся.

Всем знакомое по стерео помещение отнюдь не поражало роскошью, напротив, это был самый обычный кабинет человека, который работает всерьез и много – и лишь многочисленные терминалы спецсвязи давали понять, какова власть обитателя этого кабинета.

Сам Его Величество Василий тоже не слишком походил на Императора – невысокий, подтянутый мужчина, с узким, почти лисьим лицом и коротко подстриженными светлыми волосами. Он был одет в гвардейский офицерский мундир без знаков различия. Трудно было поверить, что еще в бытность наследником престола этот человек заслужил репутацию одного из лучших пилотов Солнечной системы, а позднее стал автором нескольких блестящих работ по гиперфизике. Все знали, что космос был страстью Его Величества – за десять лет его правления население внеземных колоний, и до того немаленькое, увеличилось вдвое, а внеземная промышленность – едва ли не вчетверо. Сам Его Величество еще в двадцать лет прославился полетом через хромосферу Солнца на им же сконструированном корабле – подвиг, не удававшийся доселе никому и принесший уникальные научные результаты, – а позднее руководил не менее уникальной «глубокой» экспедицией в атмосферу Юпитера, которая поглотила не одного отличного пилота-исследователя.

Солнечная система была велика – и неизученного в ней должно было хватить еще на тысячелетия, – но ни один мир в ней, кроме Земли, не был изначально пригоден для жизни, и это совсем не нравилось Борьке – в свои девять лет он прямо-таки бредил далекими планетами, по которым можно ходить без скафандра. Ждать, когда полностью сработает на Марсе и крупнейших спутниках планет-гигантов проект «Атмосфера»? Долго... скучно... Но тут уж ничего не поделаешь – межзвездные полеты невозможны. Хотя гипердвигатель был создан более полувека назад, его нельзя было использовать – мощности реакторов не хватало, чтобы совершить прыжок, и после нескольких катастроф исследования в этой области закрыли. А три посланных в Дальний Космос «медленные» экспедиции на кораблях с работающими на межзвездном водороде термоядерными двигателями Буссарда так и не вернулись и быстро перестали даже выходить на связь... Поначалу казалось, что постепенное развитие земной техники решит эту проблему, но уже через несколько лет ученые развели руками – они уперлись в потолок, обусловленный самими физическими законами. Альтернативой гиперприводу мог стать только квантовый двигатель, но вот его-то никак не получалось создать.

– Господа, – начал Его Величество, и его голос зазвенел торжеством. – Друзья. Братья мои и сестры... – Борька вдруг изумленно понял, что Его Величество... ой, нет... не может быть... *волнуется!* Мальчик подобрался и аж наклонился к экрану в готовности ловить каждое слово. «Вы только скажите, – мелькнула горячая мысль, – а уж мы... мы...» – На данный момент у нас есть все основания утверждать, что проблема, беспокоившая человечество

последние полвека – проблема недостижимости звезд, – на самом деле коренится вовсе не в бессилии земной науки, как мы, увы, уже привыкли считать. Все вы знаете, что задача перехода в гиперкосмос нами давно решена, вопрос лишь в энергии, которую наши реакторы не в состоянии обеспечить. Человечество оказалось заперто в Солнечной системе. Мы не могли исследовать Галактику непосредственно, но тем усерднее вели астрономические наблюдения. И недавно наши ученые – профессор Белозерцев из Петербургского института гиперфизики и профессор Джон Кауфман из Эдинбургского астрофизического института – совершили поразительное открытие. На самом деле многие физические законы, которые мы привыкли считать чем-то вечным, вовсе не являются неизменными. По некоторым, до сих пор еще неизвестным причинам вся центральная часть нашей Галактики оказалась погружена в зону, в которой не действуют гиперприводы – и, следовательно, невозможны межзвездные полеты. Но, как нам удалось установить, эта зона медленно – конечно же, по астрономическим меркам, – но неотвратно *сжимается*. И от имени всей Империи я заявляю – уже в ближайшее время – ближайшее время по меркам человека, его жизни, а не меркам Вселенной – настанет момент, когда звезды во всем их манящем величии станут близки нам! По самым последним расчетам, нам осталось ждать не больше года. Нам же с вами предстоит достойно ответить на вызов, который бросит нам Вселенная, и сильно расширить пределы нашего обиталища – в сравнении с теми, к которым мы привыкли и которые так уютно обжили...

Его Величество сделал паузу, и Борька с трудом перевел дух – как оказалось, он все это время не дышал. Просто забыл – неудивительно, когда вот так, вдруг, сбываются твои самые смелые мечты. И это что... это вот так... *просто?!*

– Я сказал «вызов»? – продолжил речь Император. – Что ж, я не ошибся. Это будет величайший вызов за всю историю человечества. Не только нам откроется Вселенная. Мы *тоже* откроемся для Вселенной. Вековая загадка чужого разума наконец решена – *за все время существования Земли никто не прилетал на нее – просто потому, что не мог*. Но отныне покров Медленной Зоны не будет защищать нас. Любой корабль любой расы отныне сможет достичь Земли – и никто не поручится, что намерения гостей окажутся добрыми. Там, – Император показал рукой вверх, – нас ждет невиданно огромный мир, в котором миллионы цивилизаций развивались тысячи лет. Мы – не более чем дети, которые вышли на порог родительского дома, не более чем юные моряки, которые готовятся впервые выйти из уютной гавани в море, где безумствуют грозные шторма. Мы пока что ничего не знаем о том огромном мире – но мы должны быть готовы ко всему, даже к вторжению, направленному на то, чтобы уничтожить нас. Времени осталось очень мало – и поэтому я, как и мой коллега, Император Англо-Саксонской Империи, Его Величество Эдуард VII, объявляем на Земле военное положение. Отныне все силы двух наших Империй будут направлены на производство гипердвигателей и на оснащение ими наших кораблей. Кроме того, во имя обороны Земли нам предстоит решить огромную по масштабам задачу – создать военный флот, который сможет обеспечить защиту нашей Родины от врагов, потенциал которых мы пока даже не в силах представить. Наши армии, которые за долгое время мира превратились в воспитательные центры для юношей, должны вернуть себе былую мощь. Наша промышленность должна обеспечить их новым и самым современным оружием, а наши ученые должны начать разработку еще более совершенного оружия, а также вернуться к разработке оружия, изготовление которого ранее было признано нецелесообразным. Наши биологи и медики должны быть готовы к встрече с самыми фантастическими формами жизни, многие из которых наверняка окажутся смертельно опасными. Наши ксенологи должны выйти из тени и превратить свою доселе абстрактную науку в нечто такое, что позволит нам установить контакт даже с самыми невероятными существами. Наши дипломаты должны стряхнуть пыль со своих навыков и быть готовыми к переговорам, от которых, возможно, будет зависеть судьба наших Империй. Для человечества настала пора выйти в Большой Космос – и я призываю всех и каждого поддержать этот прорыв. Нам нужны рабочие на звездолетные

верфи, нужны моряки для новых кораблей и солдаты для нашей новой армии. Нужны врачи и ученые, исследователи и экспериментаторы. Нужны те, кто не побоится покинуть Землю и сделать своим домом новые миры. Нет, я не оговорился, товарищи, – вопрос о колонизации подходящих планет уже решен. Человечество не может вечно оставаться в Солнечной системе, мы должны выйти в Большой Космос – и пойти дальше не в хрупких скорлупках звездолетов, а на прочной базе населенных планет, ставших новым домом Человечества. Возможно, наш путь не будет легок и нас встретят те, кто не желает нам добра. Что ж: мы будем готовы и к этому. Нам есть что вспомнить. Мы подняли наши Империи из руин, из праха рухнувшей цивилизации. И вот теперь – мы поднимем их к звездам.

Император отчетливо перевел дух, несколько секунд молчал. Потом неожиданно широко улыбнулся и сказал, разведя руками:

– Вот. Я поздравляю всех. Есть с чем, честное слово.

– МаааАААА!!! ПаааАААА!!! – истошно завопил Борька (все это время он буквально смотрел в рот Его Величеству и только кивал снова и снова, сам того не замечая), вскакивая и опрометью бросаясь к выходу из комнаты. Зацепился за стул, с шумом полетел на пол, яростно пнул стул в сторону, как живого врага, опять вскочил, вылетел в дверь и ссыпался по лестнице с грохотом землетрясения, не переставая вопить.

Сразу внизу он попал в руки вбежавшего с улицы отца. Смеющийся, покрасневшийся мужчина подбросил старшего сына к потолку и, с размаху посадив себе на плечи, вышел на крыльцо. Следом почти выбежала мама, несшая на руках таращившего глаза маленького Тошку; трехлетняя Ладка спешила позади сама, в восторге от поднявшейся суматохи.

Средний из братьев – Вовка – взобравшись на забор, что-то верещал наружу, наверное – приятелям. Дед Семен – Борька обалдел, качаясь на плечах отца, – с уханьем, гиканьем и свистом плясал посреди двора вприсядку. Смеющаяся баба Дина махнула рукой дочери:

– Наших зови всех! Скорей зови, отца унимать!

– Молчи... баба! – почти не сбивая дыхания, рявкнул дед. – Я... с детства... мечтал! Эх, старый я! – и, подскочив, сел в воздухе на «шпагат». – Старый, пропали мои мечты пропадом! Ух-хаААА!!!

Борька прислушался. И понял, что поселок полнится гулом – слитным, катящимся, ликующим. Гул – шум голосов, шаги, смех, выкрики – наваливался отовсюду-отовсюду. Мальчик никогда не слышал такого. И вскрикнул удивленно, когда руки отца вдруг сжали его под бока и взметнули еще выше – так, что он увидел сразу все улицы, заполнявшиеся кипением народа.

– Запомни, сынок! – крикнул отец. – Этот день! Запомни!

И Борька закричал – звонко и громко – первое, что пришло ему в голову:

– УррррррРРРРАААА!!!

– ...раааААААА!!! – отозвались улицы – словно ждали лишь этого детского крика, восторженного, как сама искренность, и звонкого, как веселый водопад.

* * *

Со дня сотворения мира
легенды слагались веками,
но не было дерзостней мифа,
чем миф о крылатом Икаре...
Мы медленно всходим по трапу.
Мы смотрим на землю влюбленно.
Нас ждут голубые пространства
прекрасного Млечного лона.

И вот чуть приметною вехой,
укутанная облаками,
плывет колыбель человечества,
покачивая материками.
Старенькая,
обжитая,
с повернутой набок осью...
В ее позывных – ожиданье,
в ее позывных – беспокойство:
А вдруг мы закружимся в млечности,
молниями испепеленные?!
...Гордись, колыбель человечества:
мы выросли из пеленок!¹

¹ Авторы книги приносят извинения автору стихов, который им неизвестен.

2. Кто стучится в дверь ко мне?

Второй год Экспансии

Предупреждение

Дэм-Торсад, столица Империи Сторкад, будто заклеил меня. Он во мне, хотя я постоянно пытаюсь стереть его гнилостный след в моей памяти. Он воздвигнут в воспоминаниях – кошмарах, на самом деле – и я не могу остановить его тлетворное влияние на разум. Пятьдесят долгих лет я всеми силами старался освободить себя от мучительных образов этого жестокого и озлобленного общества. Я могу вырваться из давящих стен города, но яркие воспоминания остаются. В памяти он выглядит не процветающим мегаполисом, а огромным памятником... Памятником людям, чей инертный разум настолько придавлен традициями и привычками, что их жизнь подобна той, какую вели их предки тысячи лет назад.

Я не мог не заметить, что в обществе их глубоко укоренилась несправедливость. Знать подавляет обычных людей, которые, в свою очередь, растаптывают рабов. Талант ничего не значит, о людях судят исключительно по социальному статусу. Воспитываются и одобряются подсиживание и клеветничество. Знатные старики глубоко завидуют усердной молодежи и испытывают извращенное удовольствие, раздавив кого-нибудь из них своим влиянием. Простолудины же благоговейно смотрят на знать, страстно желают ее положения и власти, но связаны традициями крепче железных кандалов.

Понятие прогресса чуждо сторкам. Кажется, что эта громадная Империя построена лишь стечением обстоятельств и удачей. Но как только ты узнаешь больше об их замысловатой системе, появляется ощущение, что они – словно большой могучий зверь, небрежно продирающийся вперед и растаптывающий любое препятствие. Этот зверь – не тупое здоровенное травоядное. Это хищник. Хищник с жестоким умом и без какого-либо намека на сочувствие. Их успех не в стремительных действиях, он достигается неторопливым и четким планированием, что может занять десятилетия. Но сторки умеют ждать.

Попадая в безупречно сплетенную знатью паутину, знай – это больше чем попасться самому, сюда же могут попасть твои дети и дети твоих детей. Выбраться не проблема. Проблема выбраться живым.

За проведенное в Дэм-Торсаде время я стал ненавидеть и презирать сторков. Их общество слишком во многом радикально отличается от нашего. Но я научился никогда не недооценивать их. Путь сторков беспощадно действенный, и я даже сейчас, после победоносной для нас войны, против воли восхищаюсь всеми их достижениями за века.

Из автобиографии Яромира Лецинского, первого посла Русской Империи в Империи Сторкад (3–5 гг. Экспансии)

Братья по разуму

Капитан Рэн кен ло Илвэри был в растерянности.

И пусть она выражалась всего лишь в слегка приподнятых плечах, украшенных неброскими контрэполетами повседневного мундира, а лицо капитана, обращенное к панорамному иллюминатору ходового мостика, оставалось обычным лицом сторка хорошего Рода – спокойным и чуточку надменным, – несмотря на все это, капитан Рэн кен ло Илвэри был в растерянности.

Он понимал, что эту растерянность видят все. Понимал, что надо сказать офицерам хоть что-то, после чего мир обретет привычные опоры и очертания хотя бы вчерне. Но это понимание затмевалось, парализовывалось мыслью о происходящем перед его глазами. Более того, он мог бы поклясться, что подчиненные, видящие его растерянность, сейчас о ней не думают совершенно – все их существо заполнено тем же изумлением и неверием, что и у него, капитана. Реальным оставался лишь голос штурмана, читавшего все новые и новые координаты. Но – *эти координаты!!!*

Рэн кен ло Илвэри даже в детстве не интересовался проблемой Медленной Зоны. Он просто знал, что такая зона есть, он выучил о ней достаточно, чтобы пройти проверки и испытания... но скажите на милость, кто станет всерьез рассуждать о весе тени? Какой смысл – хотя бы теоретический, хотя бы самый отвлеченный! – в этих рассуждениях? В Космосе – огромном и невообразимо сложном – да! – есть граница, за которую невозможно проникнуть. Изгибы ее довольно прихотливы, но они рассчитаны, записаны в каталоги и – совершенно безопасны. Лишь астрономы изучают лежащие в Медленной Зоне звезды. Оттуда не приходит никакая информация (если не считать легенд – например, о каком-то смешном беспилотном аппарате, якобы найденном дайрсами и содержавшем подробные сведения о какой-то планете вокруг какого-то солнца и запущенном какими-то аборигенами этой неведомой планеты...). Когда – очень давно – сторки выбрались в космос и наткнулись на границу Медленной Зоны – было много попыток проникнуть туда. С кораблями не происходило ничего страшного, их просто «вышибало» из гипера, как выразился кто-то. Потом был период, когда на почве этого феномена расцвели буйным цветом различные теории. А еще потом Медленная Зона стала просто такой же данностью, как многие другие неразрешимые загадки Космоса.

Ну... конечно, не *совсем* такой. Мало кто из мальчишек не мечтал о том, как он найдет *способ*, и Сторкаду откроются новые звезды, вот же они, видны в телескопы! Об этом мечтали даже дети из Низших Родов. Но это были всего лишь детские мечты...

...Капитан вздрогнул. Штурман смотрел на него растерянно. Он перестал говорить, очевидно, отчаявшись перечислить все те цифры, что мелькали на экране.

– Я поставил автоматическую проверку гиперполя, – пояснил он. – Я не понимаю... Такое ощущение... – Он замолчал, судя по всему, сам не веря тому, что хотел сказать.

– Да при чем тут ощущения?! – нетерпеливо, высоким от волнения голосом сказал кто-то из младших офицеров. Капитан не оборвал его. – Все же ясно! Я читал об этом, о такой теоретической возможности, ее предсказывали, только в сроках расходились, и никто не называл близких к нашему времени – Медленная Зона начала *откатываться!*

Рэн кен ло Илвэри смерил офицера взглядом. Потом повернулся к иллюминатору.

– Похоже, вы правы, – сказал он.

И тут же мостик наполнили голоса – говорили все офицеры, говорили, забыв о всегдашней сдержанности. Капитан не обрывал их. Мысль снова работала четко, хотя где-то на заднем плане разума полыхало лесным пожаром изумление и неверие – открываются Недоступные Звезды?! И он – он! – обнаружил это первым! Но это же, это же, это же...

Его рейдер был загружен рабами с Арк-Сейора, которых ждали на Арк-Федане. Но любой капитан флота имел право на свободные действия в условиях форс-мажора, а сложившаяся ситуация подходила под форс-мажор по всем параметрам. И нужно было быть древесным слизнем, чтобы – даже не имея на то прав! – не попытаться «пощупать языком» новое.

Движением руки капитан подозвал карго-офицера:

– Освободите половину трюмов, на ваше усмотрение.

Карго-офицер отсалютовал и быстро вышел, на ходу отдавая приказы в диск коммуникатора. «Освободить трюмы» в данном случае значило просто выбросить рабов в открытый космос, однако сейчас капитану было не до сантиментов, возможная добыча могла стоить во много раз дороже. Склонившись к штурману, Рэн кен ло Илвэри негромко приказал:

– Вон та звездочка, – и просто ткнул в экран. – Давайте курс. Попробуем на легких крыльях... – и, выпрямившись, прочел курс громко, вслух.

На мостике установилась тишина, в которой металлическим звоном прозвучали последние слова командира:

– Сила с нами, мужи Сторкада!

– Сила с нами! – отозвался слаженный хор. И на этот раз в нем не было и тени дежурной слаженности – только откровенный энтузиазм, только рев стаи накья'тт, пикирующих за добычей.

Обычные школьники

– Вставай, друже, рассвет занялся, и схватка ждет нас!

Вообще-то, когда у тебя над ухом с утра пораньше орут такое, а открыв глаза, ты видишь на экране окольчуженного витязя с воинственно торчащей бородой – может и крыша подломиться. Но Генка, приоткрыв один глаз, дотянулся до пульта, и экран выключился.

Однако вставать и правда было пора. Пружинисто потянувшись и достав противоположные стенки пальцами рук и ног, Генка улыбнулся в потолок, разглядывая крест светящихся панелей, и со вздохом закинул ладони под голову. Повысив голос, запросил:

– Метеорология, как обстановка?

– В комплексе без изменений, – отозвался мелодичный голос справочного. – Снаружи утро, минус тридцать градусов по Цельсию, ветрено. Ожидается пылевая буря.

Было 7.00, а значит, завтрак ждал на столе. Интересно, пришел ли отец, подумал Генка и, встав прыжком, потянулся снова, потом резко нагнулся за гантелями. Судя по шуму, отец был в душе. А мама, наверное, все еще спала. Где Машка, и спрашивать не стоило, она ни за что не встанет раньше половины восьмого, если только ее не разбудит мама, да и тогда Машка ухитрится прятаться в кровати, словно суслик в норе. В результате, она всегда просыпает, а потом мчится на занятия, как солнечный призрачок. Такой же красивый, неуловимый и опасный в своей стремительности.

За большим окном ронял листву осенний лес. Красивый такой, с вьющейся между ясеней тропкой и алыми кустами терновника, с голубым небом между крон... Жаль, что голография. Нет на Луне-11 лесов, если не считать здорового парка. Но он под куполом, а это немного не то. Нет, там воздух, ветер, «солнце» – все, как настоящее.

Но «как» настоящее – это все-таки не настоящее.

Генка очень любил свою планету. Нет, это правда было так – и красные пески-барханы, и черные скалы, и фиолетовое небо с ослепительным кружком класса F2, Зрачком. И бури любил, и все вообще. Он полюбил Луну-11 сразу, как только прилетел сюда, первой верной и глубокой любовью...

...но этот пейзаж не менял почти никогда.

Луну-11 открыли два года назад, сразу после того, как рухнула Зона – и почти тут же, в числе первых, на нее прилетели Никишovy. На Луне оказались гигантские залежи минерала лопарита – сырьё для добычи тантала и ниобия, поэтому на планете была (и есть, и будет) нужда в инженерах, а Никишovy и были инженеры, только он – проходческих машин, а она – глубинной разведки.

Короче говоря, Луна-11 – не какое-нибудь там захолустье. Тут два грузовых и пассажирский космопорты, которые никогда не пустуют. Но туристов не бывает. Луна – не планета. Десять процентов кислорода в атмосфере, высокая радиоактивность, ужасающие ветры и почти ноль фауны-флоры.

Поэтому весь родной город Генки – Красный Порт – лежал под землей, выставив на поверхность лишь терминалы портов да парк под мощным защитным куполом. Луна-11 была немногим меньше Земли, но город – Город, как его еще называли – тут был только один, и жил он, подчиненный добыче лопарита. Подземные шахты и коридоры по площади были уже больше самого Красного Порта, и хватит их еще на века, точных цифр Генка не помнил, хотя они это учили.

Нельзя было сказать, что у колонистов легкая жизнь. Если мерить жалованьем – оно было просто огромным, так как шло сразу по дюжине статей от нескольких ведомств. Но бесплатных товаров и услуг, которые недавно начали появляться в метрополии, тут не было. Техническое обслуживание, впрочем, на уровне, это признавали все. Генка вспомнил, как в прошлом году

на Надежде тамошние пацаны кулаки сгрызли от зависти, когда узнали, что на Одиннадцатой в каждой квартире полный набор бытовых автоматов. Зато на Надежде нет вспышек радиации и такой тяжелой работы у взрослых. Отец Генки после шестичасовой смены спал полсутки, и еще часов шесть к нему лучше было не подходить... Ну и развлечений на Одиннадцатой было поменьше, чем на планетных колониях, что уж говорить о метрополии... Было даже искусственное море. А вот домашнего зверька не заведешь – не выжить ему в бронированных коридорах с оптимальной температурой, влажностью и искусственным (пусть и совсем солнечным по научному спектру) светом. Поэтому вот кому на самом деле завидовал Генка, так это мальчишкам, у которых жили собаки, кошки, лошади, коровы, да кто угодно, хоть хомяк на жердочке!!! Генка и на хомяка согласился бы.

И все-таки он хотел работать тем же и там же, где и отец. В будущем году мальчишка собирался лететь учиться на Землю. Вообще ему нравилось многое – история очень нравилась, и нравилось пилотировать самолеты, а иногда хотелось стать воздушным десантником. Но всякий раз, когда школьники посещали шахты, все эти желания разом отступали...

Никишов-старший работал на «мыши» – горном проходчике. Тот и правда походил на большеголовую, короткотелую мышь с большим длинным хвостом. «Глаз» – блистер кабины оператора. «Рот» всегда открыт, «верхняя челюсть» его – плазмотрон, короткобойный, но мощный, он выжигает лопарит, превращая его в расплав вместе с породой, и эта масса течет в «нижнюю челюсть» – хобот, по которому расплав подается в составленный из автономных вагонеток «хвост». «Мышь» ползет себе на двух парах гусениц, бесконечно и неспешно выжигая перед собой туннель. Едва заполняется охлаждаемая автоматически подающимся жидким азотом вагонетка, как она тут же отцепляется и едет на завод, который тут же, в шахте. Там параллелепипеды расплава вновь идут в печи, и уже готовые слитки металла загружаются в очередной балкер в одном из грузовых портов. И – вперед, к звездам! Почти все мальчишки хотели работать именно на проходчиках, но на практике меньше чем у половины получается выдержать хотя бы треть взрослой смены – тяжело. «Мышь» управляется мускулопультами, ты сидишь в тяжелом скафандре голый и почти ничем не можешь шевелить, кроме рук, а жара от плазмотрона такая, что печет даже сквозь блистер и скафандр. У Генки получалось – он был не то чтобы сильный, но выносливый, это признавали все. Недаром в пионерских походах он всегда ходил разведчиком и мало кто мог его «перепрыгнуть» на теннисном корте.

Квартира Никишовых – большая, пять комнат – располагалась на втором жилом ярусе, 17-я линия, № 85. А в этой квартире одна из комнат находилась в полном распоряжении мальчишки со всем барахлом – от мощного компьютера «региона» до древних, еще бумажных, книжек Александра Афанасьева, которые Генка чохом купил в букинистическом на Земле.

Середина мая второго года Экспансии – даже на календарь смотреть не нужно. Сегодня в школе Генке нужно было читать доклад о Третьей Мировой. Он неожиданно вспомнил об этом именно сейчас и понял, почему такое хорошее настроение. Генка неделю готовился к этому докладу, на который сам напросился, – готовился тщательно, даже можно сказать – любовно. Диск с докладом лежал на столе.

Именно поэтому Генка настроил побудку на упоминание о схватке.

* * *

17-я линия в этот час принадлежала спешащим на рейсовик школьникам. Улицы на Одиннадцатой были почти настоящие – если не поднимать голову к потолку и не обращать внимания на одинаковый в любое время суток свет.

Почти около двери Генку поджидали Алька Хотько и Богдан Равиков. Если Алька была одета почти так же, как сам Генка (в смысле – сапоги, джинсы, тонкая ветровка, только на девочке – защитная пионерская, а на мальчишке оранжевая, в цвет комбинезона проходчиков,

галстуки), то Богдан оказался в своем репертуаре. Затылок и виски выбриты, волосы надо лбом торчат семью прядями, зафиксированными лаками всех цветов радуги; брюки – одна штанина джинсовая, вторая – из металлизированного вельвета – обрезаны выше колен, наколенники – белый и черный – украшены шипами; на груди майки – герб Империи, только Хадарнави копьем поражает не демона, а недоуменного сома... Даже сапоги не как у людей – носы сверху обрезаны, и торчащие пальцы покрашены по ногтям черным лаком. Маечку его Генка раньше не видел и не мог сказать, что она ему понравилась – Генка не любил шуток над символикой. В такие минуты он искренне жалел, что на Одиннадцатой нет обязательной школьной формы. И еще временами удивлялся, что этот придурок – его лучший друг...

Хотя нет – придурком Богдан не был. Еще в прошлом году он отхватил бронзу в Императорских Юношеских по классу «малый реактивный», а в начале этого получил Премию Цесаревича за разработку маячной системы посадки авиатранспорта. Ну, нравилось парню выставить себя то ли придурком, то ли просто асоциалом из старых времен. «Свобода – так на всю катушку!» – как иногда говорил Богдан.

Алька тут же начала с подъемом рассказывать о том, как позавчера они с девчонками проверяли снаряжение для вылазки к одному горному кряжу на предмет находки там артефактов Рейнджеров. Это у нее пунктик. Ну что Рейнджерам делать на такой планетке, как Одиннадцатая? Но энтузиазм заражает – Генка слушал, кивал, мычал, а когда Богдан начал за Алькиной спиной корчить утрированно-вдохновенные рожи, не выдержал:

– Кончай!

Алька обернулась, немедленно все поняла и, вспыхнув, сказала:

– Свинья! – и ускорила шаги, оторвавшись от мальчишек.

Богдан не смутился. Его вообще трудно было смутить, он сам предпочитал делать это. Как, к примеру, два месяца назад, когда он изложил на социологии свою теорию окружающего мира. По его мнению, все вокруг – большой эксперимент, поставленный Мировым Разумом, и эксперимент этот близок к завершению, о чем свидетельствует константа убывания энтропии, каковая энтропия является неотъемлемой частью процесса развития цивилизации: как она сойдет на нет – тут всем и Армагеддон. Виктор Борисович, социолог, выслушал Богдана в полном спокойствии, поставил ему за семинар «пять» и вежливо попросил более не читать на ночь Шопенгауэра, а если уже свербит – взять «Комментарии» англосакса Озрика Генти.

– Чего ты заводишь ее? – толкнул Генка Богдана под ребра.

Тот пожал плечами и вместо ответа объявил:

– А вон и транспорт.

Внутренний транспорт в Красном Порту – открытые автоматические электровозы, идущие по заданным маршрутам. Один такой стоял на углу 17-й и 18-й линий, и с него уже махали ребята и девчонки, одноклассники друзей. Алька, по-прежнему не оглядываясь на мальчишек, запрыгнула на платформу первой и подсела к своим пионеркам.

Отвечая на приветственные тычки, мальчишки пробрались на свободные места – и Богдан тут же воткнулся взглядом в установленный на носу платформы экран. Генка вытянул ноги в проход и бросил ворвавшейся на уже двинувшуюся платформу Машке:

– Проснулась?

– Мама велела тебе передать, чтобы ты не задерживался сегодня в школе, – заявила младшая сестричка, села наискосок и достала из рюкзака каталог одежды.

Платформа набрала скорость и выскочила на транспортный ярус, по которому потоком неслись вагонетки. Полосы для городского транспорта были почти пусты. Генка устроился удобней и благожелательно осмотрелся. Ребята вокруг менялись разной ерундой вроде дисков с новыми фильмами и минералов для коллекций – этим на Одиннадцатой увлекались даже девчонки. По рукам ходили несколько номеров «Пионера», «Костра», «Вестника Русской Империи» и местной газеты «Вокруг порта».

Все, как обычно.

Платформа вылетела на верхний ярус, и Генка заметил, как сидящая справа девчонка с рюкзачком на коленях вздрогнула и привстала, безусловно выдав себя, как приезжую – даже если бы Генка не вспомнил, что не видел ее раньше.

Ну, это в самом деле было жутковато. Керамлит невидим, а несущие арки тоннеля – очень тонкие, поэтому по первому разу всем кажется, что платформа с разгону выперлась на поверхность. Слева и справа ветер срывал с верхушек барханов, отливавших червонным золотом, вихри красного песка. Чуть подальше видна была около черных скал машина ремонтников – там гектар за гектаром серебристо поблескивали солнечные батареи, питавшие все поселение энергией. В здешних местах это был самый дешевый и выгодный способ. Над скалами поднималась угловатая громада корабля – медленно, она казалась вообще неподвижной, от решеток лидаров до острых копий пламени из реверс-моторов.

– Балкер «Слон» уходит на Землю, – сказал Генка, чуть нагнувшись через проход к девчонке. – За горами, там – грузовой космодром.

– А? Да, спасибо... – Девчонка бледненько улыбнулась, потом вздохнула и как-то очень мило наклонила голову вбок. – Я перепугалась.

– А все пугаются первый раз. – Генка улыбнулся как можно шире и мужественней. – А ты новенькая, это точно. Как тебя на Одиннадцатую занесло?

– Не меня, а папку, – пояснила она, но тут же поправилась, очевидно, опасаясь обидеть старожилу: – Но мне тут нравится!

– Неужели?! – изумился Генка, и новенькая рассмеялась. – А кто у тебя отец?

– Новый начальник портовой полиции, – гордо сказала она и наконец представилась: – Я Уля... Ульяна Устинова.

Все три космопорта Луны охранялись своим полицейским подразделением – оно и больше, и не такое бездельное, как городская полиция, в его ведении и посты лидарного предупреждения, и противокосмическая оборона, и таможня... Короче, начальник портовой полиции – фигура, даже если и у него половина функций – фикция. Например, та же ПКО – от кого обороняться? Или таможня – ну скажите на милость, откуда в космосе контрабандисты? Космос-то открылся, а вот мечты и надежды встретить в нем высокоразвитый технический разум, похоже, так и остаются мечтами и надеждами...

– Никишов, Генка, – кивнул Генка, а больше ни о чем они поговорить просто не успели – платформа подкатила, снижая ход, к мраморной арке, на которой золотом было высечено:

Нельзя воспитать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда бы он мог проявить мужество.

А. С. Макаренко

* * *

Как очень часто бывает на нервном подъеме, Генка плохо запомнил, как делал доклад. Знал, что было тихо и все смотрели на него. Наверное, одноклассники и отворачивались, и двигались, но Генка этого не заметил, ему все запомнилось именно так – повернутые к нему знакомые лица и неожиданно незнакомо построжавшие глаза.

У него все было рассчитано по минутам, однако он не следил за временем – тема подхватила и несла его сама. Такое же восторженное состояние мальчишка испытывал и когда готовился к докладу, читал выбранную литературу. Люди страшной и святой эпохи, о которой он говорил, представлялись ему кем-то вроде витязей из эпоса. Всего-то – мир со всеми его людьми, с космосом, с журналами и выходными, с фильмами и песнями, с Землей и звездами – вот этот хороший, добрый, веселый мир есть только потому, что они тогда умирали, голодали,

сражались и оставались непоколебимы, как... нет, не как скалы, куда скалам – как настоящие люди!

Генка опомнился, только когда закончил доклад.

– Вы все знаете эти слова, и я вполне могу отнести их к людям, о которых сейчас рассказывал... «Им страшно только забвение. Помните. Пожалуйста – помните», – и, нажав на кнопку стерео, отошел к «окну», где под легким ветром покачивались волны трав в степном море.

По классу пронесся шепоток, и даже учитель истории Игорь Алексеевич Могилев сделал шаг вперед от стены, возле которой стоял все это время. У Генки и правда получилось удачно – он голографировал кусочек старой хроники, и сейчас вышедший из боя «витязь» РА, неся в руке шлем, в замедленном темпе шел сквозь падающий снег из глубины «окна» – в класс. Все подались вперед и застыли, не сводя глаз с приближающегося человека. Свет в классе погас, и Алхунов запел (Генка долго искал именно эту древнюю запись)...

От героев
былых времен
Не осталось
порой имен...
Те, что приняли смертный бой,
Стали просто землей и травой...

«Витязь» шагнул с экрана в класс – под песню. И, остановившись, посмотрел вокруг, вытирая лицо рукавом грязного бушлата. Потом – улыбнулся, неумело и светло...

...Этот взгляд —
словно высший суд
Для ребят,
что сейчас растут.
И мальчишкам нельзя
Ни предать, ни обмануть,
Ни с пути
свернуть...²

...Кончилась запись. Свет зажегся. Девчонки прятали сырые глаза. Мальчишки смотрели упрямо, набыченно. Генка стоял около «окна», которое вновь опустело, заложив руки за спину, и не нашел ничего умнее, как сказать:

– Это все.

– Ну что же, Гена, – Игорь Алексеевич подошел к своему столу, помолчал. – Это очень хорошо. Я с удовольствием поставлю тебе «отлично».

– Да, меньше за это сошествие ангела не поставишь, – сказал Богдан. – Весьма трогательно.

...Прежде чем мальчишек растащили, Генка разбил Богдану бровь, и сам обзавелся рассеченной губой...

² Стихи Евгения Аграновича.

* * *

Сразу после школы – несмотря на просьбу матери – Генка домой не пошел. Настроение было пакостным, он отвязался от сочувствующих приятелей, устав выслушивать негодующие речи и обещания в адрес куда-то девшегося прямо из медпункта Богдана.

Мальчишка забрался, петляя по улицам-линиям, в портовый район, в кафе «Красные Пески» – половина стен в заведении была прозрачной и выходила на поле космодрома. Кафе это облюбовали охотники, и тут же находилось представительство компании «Бобров и сын». Дело в том, что среди бедной фауны Луны-11 имелась такая хищная тварь, как визгун – опасная и хитрая, но с отличным мехом. Человек двадцать на Луне профессионально занимались добычей визгуна, поэтому кафе внутри было украшено снимками пустыни, оружием, шкурами, около шлюза постоянно торчали два-три пескохода, а в самом помещении так же постоянно сидели минимум трое охотников, причем их громоздкое снаряжение было свалено по углам вперемешку с оружием и пустыми бутылками. Охотники старательно поддерживали мнение о себе как об отчаянных ребятах – впрочем, достаточно оправданное. Тут же можно было встретить и немногочисленных туристов – как правило, офицеров космофлота или таких же охотников-любителей-экстремалов.

Вот сюда Генка и пришел. Только что вошедший охотник с болтающейся на груди маской махнул ему рукой:

– А, Генок! Привет, Генок, как дела?

Мальчишка улыбнулся, молча кивнул. Этого парня пионеры два месяца назад спасли от верной смерти – его пескоход ухнул в расщелину, сам водитель выбрался чудом и полз к городу со сломанной ногой. Ползти ему оставалось еще километров сорок, когда Генка и Богдан на него наткнулись.

Усевшись за столик спиной к залу, Генка хмуро уставился на поле космодрома. Злость на Богдана не исчезла, даже меньше не стала, и мальчишка решил, что обязательно сцепится с другом... – бывшим другом, черт!.. – снова. Совсем оскотинел, гаденыш!!! И дело было даже не в том, что он там буркнул о докладе. Дело – в *теме* доклада.

«Решено, – подумал Генка. – Допиваю сок – и отправляюсь к нему домой. Драться он не откажется, не трус же он, в конце концов. А мне станет легче».

– Садится, – сказал кто-то неподалеку, и в кафе произошло легкое движение.

Генка обернулся – все дружно смотрели в противоположное окно. Генка увидел высоко в небе точку – она пульсировала и быстро росла, все отчетливей делясь на четыре огненных креста. Стал слышен свистящий гул.

Генка сверился с часами и удивился. Никакого корабля по времени не должно было быть. Экстренный рейс?.. Послышался вибрирующий писк – сработали звуковые глушители, зато начали трястись все незакрепленные предметы. Мальчишка ощутил неприятное – словно кто-то быстро забегал под кожей. Он встал, сделал несколько шагов к окну и не удержался от вопроса:

– Кто это?

Бородатый охотник, уже стоявший там, ответил:

– Грузовик. Час назад запросил экстренную... О, смотри.

Четыре колонны призрачного пламени отвесно спустились сверху. Они ширились, укорачивались, и на них, словно приседая, неспешно опускался большой серебристый корабль, неуклюжий, какими кажутся большинство космических кораблей на поверхности атмосферных планет. Вибрация сделалась невыносимой – корабли такого класса для посадок не предназначались. Около махины держались четыре автоматических буксировщика.

– Да вы гляньте, туда батальон строем войдет! – ахнул кто-то.

Генка не сразу понял, о чем это, но потом увидел... Да – насчет батальона – это, пожалуй, еще и преуменьшение... Половина флайнг-моторов была выдрана – не только внешние дюзы, но и сам безектор, кораблю словно вывернули нутро. Там серебристый металл почернел, от корабля то и дело отрывались и падали вниз какие-то куски. Генка заворуженно смотрел на посадку. До такой степени изувеченные корабли он до сих пор видел только в стерео, в фантастических лентах о звездных войнах.

Изумлен был не только мальчишка. Кто-то позади спросил потрясенно:

– Да что с ним такое случилось-то?

– Факел сорвался, – предположил еще кто-то неуверенно.

Ему ответили презрительно:

– Когда факел срывается, от корабля только атомы остаются, салага.

– Столкновение, похоже...

– Да с кем – такое?! Взрыв какой-то...

Грузовик окончательно опустился, словно очень усталый человек наконец-то добрался до стула и сел. В кафе включились экраны – показывали вблизи корабль, машины, мчащиеся к нему. Генка с интересом посмотрел бы, что там будет происходить, но его тронули за плечо.

Мальчишка обернулся.

Рядом стоял Богдан.

Контакт

Женщина на снимке улыбалась, стоя под большим деревом – раскидистым, с корой в мощных трещинах. Капитан Рэн кен ло Илвэри неожиданно узнал дуб и невольно хмыкнул от удивления.

– Красивая женщина, – оценил старший помощник. – Доктор, что скажешь по их поводу?

– Фактически они идентичны нам, – корабельный медик, изучавший какие-то блестящие предметы – тоже из трофеев, – отвлекся от своего занятия. – Конечно, отличия есть, но они минимальны. Так что даже общие дети у нас могут быть – если когда-нибудь нанесешь визит на их планету, то вполне можешь взять эту женщину себе.

За столом прокатился короткий смех. Настроение у всех было возбужденным. Не успели хотя бы «с краю прихватить каши», как гласила древняя поговорка, шалея от открывшихся перед ними новых горизонтов – и буквально на рейдер вынесло большой неизвестный корабль. Команда чужака не ожидала атаки – похоже, вообще не подозревала, что такое *возможно* – и до последнего момента вместо того, чтобы звать на помощь или хотя бы сообщить о происхождении своим, бомбардировала сторков восторженными (по тону голосов было слышно) приветствиями и какими-то вопросами. Правда, капитан не мог не признаться самому себе – когда его рейдер выпустил абордажные катера и чужаки поняли, что это всерьез, они дали хороший отпор. Их корабль уходил на полной тяге, и рейдер смог остановить его, лишь почти безнадежно изувечив. Когда абордажные группы вломились, наконец, на борт, их встретили всем, чем только можно – и даже тем, чем нельзя. Оружия у экипажа почти не было, но сторки потеряли пятерых убитыми, а из всей вражеской команды – двадцати трех невероятно, до ступора похожих на них существ – никого схватить живым не удалось. Трюмы корабля были заполнены слитками металла – кстати, очень дорогого, тантал был редок на Сторкаде, он шел в медицину, а главное – на производство реакторов космических кораблей. Но груз знаний о чужом мире – от звездных карт до личных мелочей команды – был в миллион раз ценней.

Сейчас рейдер и его жертва дрейфовали в космосе, сцепленные штурмовыми галереями. Внешне оба корабля казались мертвыми, но на деле внутри шла напряженная непрерывная работа.

– Раса крепкая, но глупая и доверчивая, – задумчиво сказал Рэн кен ло Илвэри, и офицеры, замолчав, повернули головы к капитану. – Что они похожи на нас – с этим пусть разбираются ученые. В конце концов, мьюри тоже на нас похожи... – При упоминании старых врагов многие нахмурились. Сравнение получилось неудачным – ЧЕМ кончилась война с мьюри, на Сторкаде знали все и забывать не собирались. – Как там с анализом уровня развития?

Офицер, к которому был обращен вопрос, кивнул:

– Судя по тому, что мы успели изучить, – эта раса только-только выбралась в космос. Они освоили крохотный кусочек пространства. Технически сильно отстают от нас, хотя корабль сам по себе неожиданно хорош, есть множество вещей, которые просто драгоценные камни на фоне даже наших достижений. Если мне будет позволено добавить... – офицер замялся, и Рэн кен ло Илвэри кивнул. – У меня странное ощущение... В этой расе есть что-то неправильное... нет, не так. Непривычное, необычное. Я не могу понять, что это, но оно есть – сквозит во всем, начиная от их корабля и кончая тем, как они дрались...

– Когда сможете сформулировать свои подозрения более точно, – с легкой насмешкой сказал капитан, – тогда мы вернемся к этому разговору. Пока же... – Он встал. – Пока я принял решение, – вытянувшийся из его руки зеленый луч пошел по новой карте, развернувшейся на экране. – Мы используем их корабль и захваченные записи, а также наше удачное сходство для того, чтобы высадиться вот сюда, – на карте вспыхнула точка. – Если я что-то успел понять – это планета-рудник. Я приказываю подготовить десантную группу – думаю, трехсот человек

хватит. С их наивностью и явной неискушенностью в делах войны мы легко сломим сопротивление, разграбим рудник, вывезем все ценное, включая рабов, и вернемся на Сторкад втройне победителями. Разработкой деталей операции я займусь сам.

Одобрительный шум был ответом на короткую речь капитана. Лишь офицер, так скромно сделавший доклад-прогноз, молчал. Не от обиды – нет, он не находил ничего обидного в словах командира, скорее соглашался с ними. Но сейчас он рассматривал доставшийся ему в качестве трофея пистолет врага – пороховой, древний, с вытертым воронением. Длинный плоский ствол пистолета был украшен какими-то буквами – пока что письменность новых будущих рабов не была расшифрована, и офицер просто задумчиво проводил по надписи пальцами, пытаясь разобраться с тем, что его беспокоит, и злясь сам на себя за эту неуравновешенность...

...На стволе старого, как история Земли, «ТТ», сделанного еще в 30-е годы XX века от Р. Х., который офицер-сторк забрал у старшего механика захваченного рудовоза после того, как успел выстрелить раньше, упав за тело застреленного стармехом десантника, было выгравировано – видимо, намного позже, в годы Серых Войн:

Я УМРУ – НО И ТЫ, ГАД, ПОГИБНЕШЬ!

Беда и жизнь

Домой мальчишки возвращались пешком, хотя это было далеко. Но они не спешили и забрались аж на коммуникационный уровень, потому что там было меньше людей, а те, что были, – занимались делами и по сторонам не смотрели.

– Ген, ты меня прости, – говорил Богдан негромко. В ответвлениях коридора мягко мерцали указатели, слышался шум работающих проходчиков. – Понимаешь, у меня... у нас горе. Мне бы просто сказать, а меня зло какое-то взяло, ну, я и – как идиот...

– Что случилось-то? – спросил Генка хмуро.

Богдан тоскливо вздохнул:

– Да понимаешь, Ждан погиб. – Он неожиданно споткнулся и всхлипнул.

– Как погиб? – холодея, спросил Генка. Ждан, старший брат Богдана, служил в полиции на Земле.

– Как, как... – хрипло сказал Богдан. – Так и не бывает даже... Сволочи какие-то... банда, как в истории твоей любимой... Напали на поселок на Курильской косе, с моря. Жданка там еще с двумя ребятами, стажерами, что-то делал, я не понял, что... А больше никого. Даже мужчин почти не было, все в море на ловле... А эти... с баркаса с моторного высадились и по поселку... Стрельба, крики... Ну, Ждан и эти двое стажеров, они... бой приняли, в общем. Они, а с ними мужики, какие были, пацаны постарше – оружие похватали, бандитов почти всех и положили, какие остались – сдались. А Ждана... убило. Вот так... – Он вытер глаза рукой.

– Какая банда? – Генка никак не мог взять в толк. – Разве такое бывает?!

– Ну вот... выходит, бывает, – ответил Богдан. – Сказали – даже место нашли, где у них база была, где-то на островах, которые от Японских остались... Дикари совсем, а с винтовками автоматическими, с пулеметом...

Генка не знал, что сказать. Он осторожно положил руку на плечи Богдану – показалось, что тот собирается по-настоящему заплакать. Но это, конечно, была чушь. Богдан дернул плечом и, посопев, зло сказал:

– Ладно, там посмотрим, что дальше... Простишь? – требовательно спросил он.

– Конечно, – кивнул Генка. – Только больше не надо так, Богдан. Ждан... он же видишь, он и сам, как... – и не договорил, не нашел слов.

А Богдан только наклонил разноцветную голову, и какое-то время мальчишки шли молча.

Потом Генка спросил:

– Ты на той неделе собираешься в поход? Или...

– Пойду, – ответил Богдан. – Слушай, давай в наше кафе зайдем, что ли...

«Наше кафе» – это было кафе-автомат на углу 17-й и 18-й линий, около остановки.

Мальчишки вскочили на только-только отошедшую от остановки платформу, идущую в нужном направлении. Группа инженеров, возвращавшихся со смены, распевала старую песню – впрочем, тут она звучала скорей в ироническом ключе:

Гонят партию в землю глухую,
В самоцветный проклятый рудник...

Генка думал о случившемся. Не верилось, что такое вообще могло произойти. Банда... Нет, конечно, бывает разное. Но *такое*?!

Он вспомнил Ждана. Тот был старше Богдана на шесть лет, служил уже два с лишним года и прилетал в отпуск – в форме; конечно, не такой, как армейская, но все равно в форме – веселый, возбужденный от встречи с родными...

Генка закрыл глаза. Он пытался представить себе, как это было. Но в голову лезли только кадры из фильмов – пусть и документальных, но фильмов. А Ждан был не из фильма. Он был настоящий, а теперь его – нет.

Это были тяжелые мысли. Потому что смерть, хоть и далекая, была настоящей смертью в бою. У Богдана был брат. А теперь его нет.

* * *

К удивлению Генки, в кафе сидели за столиком и жрали пирожные Алька и... Ульяна. Алька заметила мальчишек первой и громко сказала:

– Ну, вот и они. И рожи целые. А ты беспокоилась чего-то там...

– Привет... – удивленно сказал Генка, присаживаясь к столу. – А ты как здесь? – вопрос был обращен к Ульяне.

Она снова – как тогда на платформе – наклонила голову к плечу и спокойно ответила:

– Я думала, что вы будете драться. И я с Алькой решила вас подождать тут.

«Ты им не говорил?» – взглядом спросил Генка.

Усевшийся рядом Богдан ответил:

«Нет».

– Ульяна Устинова, – представил Генка новенькую, доставая из окошка вазочки с мороженым. – А это – Богдан, его внешний вид куда хуже внутреннего содержания.

– Очень приятно, – двусмысленно, но в то же время церемонно сказала Ульяна, и Богдан передал ей вазочку:

– Мне тоже. Ты ведь дочь нового начальника полиции космопорта?

– Так ты ее знаешь? – удивился Генка.

– Видел мельком и в школе, а главное, в новостях... Мило с твоей стороны, что ты тут нас подождала с Алькой.

– Вы все пионеры? – неожиданно поинтересовалась Ульяна.

Алька кивнула и повела вокруг ложечкой, как скипетром:

– Все, даже этот раскрашенный псих. Тут без этого можно было бы умереть со скуки.

А ты – пионерка?

– Конечно, – гордо ответила Ульяна. – Старший пионер. У вас небольшие отряды, наверное?

– Отряд, – уточнил Генка. – Он смешанный, называется «Кроты»... Мы тут весело живем – кстати, у нас парк здоровенный, с целую страну размером, но это не самое интересное. Алька насчет скуки не права, вообще-то. Вот ты чем занимаешься?

– Я? – Ульяна задумалась. – Ну... Флюктуационной психологией, но это для себя, такие специалисты нечасто нужны... А так – коррекционной хирургией. А как пионер – следопыт и инструктор служебного собаководства.

– Ого! – вырвалось у Альки. – Но собак у нас нет, только в парке волки.

– Кстати, а почему весь город не в парке? – любопытствовала Ульяна. – Это ж лучше...

Мальчишки переглянулись, и Генка пояснил:

– Понимаешь, наверху бывают вспышки радиации. Растениям там или животным даже – им ничего, а людям тяжело бывает... А, ну так вот, я – оператор проходческих машин и радиооптик, а как пионер – следопыт тоже, как ты, и водитель пескоходов. Богдан – техник наземных служб и лингвист, плюс пионерские – водитель, как я, и взрывотехник. Алька – геолог и археолог, и еще фельдшер и связист. Ну и развлекаемся, как можем. Профессии у нас в основном «домашние», конечно... Но мы и еще немало чего умеем.

– А театр у вас есть? – поинтересовалась новенькая.

– А как же, – ответил Генка гордо. – И театр, и станции по интересам.

– Которые, правда, влечат довольно жалкое существование, – добавил Богдан. Подумал и уточнил: – Ну, кроме геологической.

– Почему? Я очень историю люблю, – возразил Генка.

– Так там вся станция на тебе и держится...

– Военную историю, конечно? – Ульяна с интересом посмотрела на мальчика.

– Да почему? Не только, – Генка пожал плечами. – Даже не столько, наверное, хотя это и странно звучит. Меня больше интересует, как получилось все то, чем мы живем, из всего того, что было... ну, в двадцать первом веке. Из бардака, короче.

– Кое-кто говорит, – вдруг добавила Ульяна, уже не сводя с мальчишки глаз, – что из бардака получилась тюрьма.

– Это о так называемой «внутренней свободе»? – презрительно уточнил Генка. – Да знаю, читал. Ерунда полная. Как раз эта «свобода» чуть мир не угробила, потому что она без умения себя контролировать и подчиняться правилам ведет к вседозволенности, которую опять-таки каждый считает «свободой», для личного пользования, правда. Анархия.

– А по-моему, не было тогда никакой анархии, – возразила Ульяна. – Анархия, если научный термин брать, а не бытовое понимание, скорее сейчас. Почти все тогдашние государства были настоящими диктатурами. Отец полгода назад писал большую работу, а я материалы читала. Интересно очень. И страшно. Например, полицейским можно было застрелить человека за отказ выйти из машины. Или забрать ребенка из дома просто так, потому что кому-то что-то показалось.

– Ну, я про бытовое понимание анархии, – слегка смутился Генка. – В душах и в умах. А полицейский произвол как раз и шел от попыток навести порядок при непонимании, что начинать-то надо с воспитания людей – а для этого сами правители должны быть сверхлюдьми! Читала, наверное, – умение грабить людей называлось «умением делать деньги» и было почетным. «Адвокат» профессия была – защищать преступников, причем только богатых преступников. А искусство? Микроволновка для психики – сходил на выставку и испек мозги... И при этом толпа народу кричала: «Запрещать – значит нарушать права человека!»

Только после этой горячей тирады они обратили внимание на то, что Богдан и Алька наблюдают за ними с преувеличенным вниманием и робостью. Ульяна смущенно вздохнула, а Богдан, выставив перед собой ладони, подобострастно сказал:

– Продолжай, продолжайте! Это просто радость сердцу – вас вот так слушать и слушать. Набираться мудрости в осознании собственного приземленного ничтожества...

– Ой, мне казалось, что ты тоже любишь историю, – покаянно сказала Ульяна Альке.

Та вздохнула и засмеялась:

– Археологию. Все, что нельзя выкопать из земли, меня интересует лишь в обязательном порядке.

* * *

В квартире Никишовых было тихо. Отец все еще спал, сестра куда-то умелась, мама – на работе. Генка тоже решил не задерживаться, хотя отец, конечно, проснувшись и никого не обнаружив, за обедом начнет бухтеть, что его все бросили, – есть у него такая манера. Мама всякий раз говорит, что это атавизм – желание мужика видеть себя в семье толстой осью вращения. Генка в таких случаях всегда выступал за отца, Машка – за маму, и получалось равенство и равновесие...

Вообще-то надо было готовить уроки. Тем более, что задали немного. Но у Генки лежала недочитанная книжка по радиооптике, да еще оказалось, что пришла почта, а с нею – письмо от Келли О'Мейры, с которым Генка познакомился на Надежде. К письму были приложены снимки, которые Генка не успел скопировать себе тогда. Бросив в угол рюкзак, мальчишка

присел к столику и начал просматривать присланное, забыв обо всем остальном и представляя отдых на Надежде – как было здорово! Келли сообщил, что этим летом полетит в международный лагерь на Землю, и звал с собой. Генка задумался. Отпуск у родителей предполагался в начале осени – и Никишovy вроде бы всей семьей собирались на Землю. Может быть, удастся уговорить родителей ездить там с Машкой, а самому – в лагерь? В конце концов, последнее лето свободное, через год кончится школа – и все, считай, началась взрослая жизнь...

А ведь и правда – последнее лето. Генка вздохнул. Похоже, как говорится, кончается детство.

Подняв голову, он оглядел свою комнату и повел плечами. Ну и пусть. Но наступающее-то лето – точно его! А дальше и заглядывать нечего, потому что ясно одно: будет интересно. Иначе просто не бывает, любая жизнь интересна, главное – выбирать самому! И знать, что та же самая жизнь не даст – просто *не даст!* – выбрать неправильно.

Вот это – здорово.

Смерть

Еще несколько лет назад планета была одна.

Нет, правда. Генка хорошо знал и любил историю, но ему постоянно приходилось себе напоминать, что все события, которые восхищали и завораживали его, происходили на *одной* планете.

Да что там – на одной планете, чаще всего просто – на какой-то части этой планеты! И нередко – крохотной. Даже первые две мировые войны Мирowymi на самом деле вовсе не были. А вот, скажем, вся знаменитая и легендарная эпопея короля Артура крутилась на части острова Британия. Небольшого острова.

Колумб плыл почти три месяца, преодолевая расстояние, которое Генка с друзьями проходили в пионерском походе. Ну – ладно, в большом походе. Но это – подростки. А у взрослых сейчас были другие подвиги и путешествия, именно поэтому на Одиннадцатой имелся парк размером с целую старинную страну. На таком клочке «земной Земли» могло произойти столько всего, что историкам хватило бы материала на века. А тут это просто парк. Место отдыха.

Иногда, если честно, это было немного обидно...

...Солнце Одиннадцатой в целом вполне нормальная звезда – ярче и горячее настоящего Солнца, но расположено дальше от планеты. Если бы не редкая ядовитая атмосфера, на Одиннадцатой вполне можно было бы комфортно жить и на поверхности. Но атмосфера для человека непригодна, а почти полностью отсутствующий озоновый слой пропускает на поверхность столько ультрафиолета, что лучше не рисковать.

Купол над парком, расположенным в долине между гор, ультрафиолет пропускает в нужных дозах, если только не случится особо жесткой вспышки, о чем всех оповещают заранее. При разбивке парка его создатели словно бы выдернули с Земли кусочек России – с лесами, реками и береговыми рощами, озерами в ивовых зарослях... Немногочисленные строения – гостиницы, молодежный центр, базы – просто теряются на природе, и земные (и не только земные) животные чувствуют себя тут здорово. Люди их не трогают никогда, сюда просто запрещено приносить оружие, а несколько лесников следят за тем, чтобы не слетел с катушек никто из зверей. Двоюродный брат Альки, кстати, был как раз лесником.

По самому парку можно было передвигаться пешком, верхом и... все. Правда, выходов довольно много, и ребята, ехавшие на урок истории на природу, сошли с платформы недалеко от лифта, ведущего к Черному озеру.

Озеро было мертвым. Вообще воду город для своих немалых нужд брал из подземных озер в пещерах. Там хоть раз в жизни был на экскурсии каждый – в местах поразительной холодной красоты, где малейший лучик света рождает сотни огней в кристаллах льда. На поверхности Луны воды нет. Ну – не то чтобы вот совсем нет – нет в привычных человеку количествах, и если воду из подземных озер по какой-то причине выбрасывает наверх – пески мгновенно ее поглощают.

Воду для озер и речушек парка тоже брали оттуда. На специальной станции ее обрабатывали, добавляли кое-что, и получалась обыкновенная речная вода, с водорослями и рыбой. И только Черное озеро было не такое. Его проектировал кто-то из поклонников вечных книг Толкиена и создал копию Келед Зарам, как с иллюстраций. Получилось красиво. Слово в рамке из черных диабазовых скал лежит не очень глубокое и абсолютно прозрачное озеро. И именно потому, что оно абсолютно прозрачное, – оно кажется абсолютно *непрозрачным*, черным и непроницаемым. Никакой живности в озере тоже специально нет – черная ледяная вода...

Еще по пути к лифту все заспорили насчет того, сколько действительно важных изобретений и открытий было утеряно из-за Безвременья. В спор втянули и Игоря Алексеевича. Генке

сегодня спорить не хотелось, он нацепил на ухо проигрыватель и включил старую, им самим обработанную запись – и слушал, прикрыв глаза, чеканные строки, которые и были *историей* куда больше, на его взгляд, чем все потерянные изобретения...

...Когда истевон, и сорб, и летт не разнились меж собой,
в низовьях Эльбы, большой реки, царил один Закон:
«Любой имеет право на суд, и право на хлеб – любой!
Да будет конунг мечом племен, и тинг – защитой племен!»
И снова правит этот закон, и держит нам стол и кров...

Генка задержал дыхание от привычно подступившего восторга в ожидании этих обрекающих, холодных слов, в которых – сила великого, правого, могучего Добра... вот!

...прижат сапогом язык лгунов, и подать их тяжела.
Как кости кривые, что плохо легли, двадцать гнилы веков
военачальники нашей страны смахнули со стола!..³

«Вот что важно, – подумал он. – А не изобретения. Вот что есть история...»

Об этом же он думал, когда они шумной кучкой шли к лифту. Богдан, конечно, хватил через край, когда сказал, что историческая станция держится только на Генке, но тот и правда стоял у самых ее истоков. Еще год назад этой станции вообще не было – были несколько человек, как и Генка, интересовавшихся историей. И в один прекрасный день, выписав оборудование, фильмы, наглядные пособия с Земли, они отпочковались от школьного театра. Этой весной, не так давно – тоже вместе с театром, – станция удивила всех (Генка шутил, что в первую очередь самих себя) постановкой ко Дню единства нации⁴.

Сегодня на станции ожидалось серьезное пополнение – трое младшеклассников решили связать свою судьбу с изучением родной истории. Генка как раз подумал об этом, когда они все подходили к большому лифту – и его двери открылись навстречу. Кто-то приехал сверху...

...Люди, вышедшие из лифта, удивили ребят. Все сразу изумленно замолчали, рассматривая десяток солдат – явных солдат тяжелой пехоты, не понимая, как и зачем они попали на Луну-11 и почему едут сверху. Солдаты, вышедшие из лифта, тоже смотрели на ребят – это чувствовалось, хотя лица у всех были закрыты масками из матового материала.

«Кто это такие?» – неожиданно подумал Генка.

Мысль его самого удивила, а через миг он понял, что удивляться незачем – и правда, *кто это такие?* Это не были солдаты тяжелой пехоты. Ни русские, ни англосаксы. Похожи – да. Но форма доспехов, форма шлемов, наконец, оружие в руках не оставляли сомнений, что это... *кто?!* На рукавах и шлемах золотом отблескивали эмблемы – крылатая пантера... или не пантера?

Кто-то удивленно охнул. Солдаты задвигались, поднимая стволы. Ребята и девчонки чуть подались назад – ничего не понимая, а точнее – не понимая своего понимания, потому что такие вещи так не происходят даже в стерео. Стоявший впереди-справа солдат поднял одной рукой матовое забрало, и на этот раз удивленно выдохнули, охнули, вскрикнули сразу несколько человек, а Генка подумал медленно:

«Да ну... чушь...»

³ Авторы книги приносят извинения автору стихов, который им неизвестен.

⁴ 17 марта. В этот день на десятом году Безвременья был установлен контакт между Советом РА в Великом Новгороде и Казачьим Кругом в Предкавказье. Тем самым заложено начало нового объединения.

На школьников смотрело совершенно человеческое лицо – бледноватое, узкое, с большими, внимательными зелеными глазами, высоким лбом... Волос не было видно за козырьком.

– Здрасссь... – сказал кто-то. Кто-то, все еще думавший, что это тяжелые пехотинцы.

А еще кто-то – из девчонок – произнес тихо:

– Люди, это же инопланетяне.

– Хватит чушь городить, – ответили ей.

Зеленоглазый обежал всех взглядом, остановился на стоящем впереди учителе – Игорь Алексеевич молчал, видимо, тоже был растерян. Чуть наклонил голову и произнес – снова раздалось на этот раз уже совершенно дружное «оаххх»:

– Нужна ваша сдача. Вы захвачены.

Его голос был гортанным, произнесенные слишком тщательно слова отдавали акцентом, похожим на акцент германца или скандинава.

– Это школьный класс, – учитель отвечал на удивление спокойно. – Это дети, я их учитель. Я понятно говорю?

– Понимаю, – ответил... кто?! – Не... сущестственно, – с этим словом он не справился. – Вы есть пленная собственность Сто'кадт. Вы идете с моими людьми.

Он что-то скомандовал – быстро, резко. От общего строя отделились двое солдат, взяли оружие (что это за штуки-то?) поперек груди и легко потеснили землян к стене. Остальные быстро пошли, почти побежали по коридору вслед за своим командиром.

– Что происходит? – спросил кто-то высоким голосом, нехорошим таким.

Игорь Алексеевич спокойно ответил:

– Сейчас разберемся... – и обратился к оставшимся охранникам: – Я не очень понимаю, кто вы и что вам нужно. Но я хотел бы начать урок. Мы можем подняться наверх?

«Он что, с ума сошел? – подумал Генка. – Это же самые настоящие ВРАГИ – как бандосы в Серых Войнах, они всех нас тут положат и даже не чихнут...»

Бросил взгляд вправо – Ульяна стояла там, рядом с Алькой. Девчонки были бледны, в глазах – непонимание. Стоявший слева Радька Юргин шепнул:

– Ген, у меня в сумке пистолет. Прикрой меня, я доберусь... положу этих гадов на хрен.

Генка машинально сдвинулся, закрывая его. Между тем один из солдат что-то коротко сказал своему товарищу, и тот ответил на очень плохом русском:

– Верх нет. Раб дурак? Урок, урок. Дурак.

– Я вынужден буду настаивать на продолжении наших занятий... – Игорь Алексеевич сделал шаг вперед – спокойно говоря все это, даже улыбаясь. – Вы не понимаете всей сложности учебного процесса...

– Ты назад! – инопланетянин (глупости, это какие-то люди, так думать легче и проще...) упер ствол оружия в грудь человека.

В тот же момент Игорь Алексеевич сделал резкое движение снизу вверх скрещенными кистями, отбивая оружие от себя в потолок, и с силой ударил – точнее, просто толкнул – солдата на его товарища. Последний шаг позволил учителю занять выгодное место и совпал с рокотом взрыва, прокатившимся по коридору, – а потом тишина так и не вернулась, потому что сразу из нескольких мест послышалась пальба. Под потолком мигнул и зажегся экран всеобщего оповещения, но работал только несколько секунд и показал перестрелку в аппаратной между двумя дежурными и полудюжиной солдат – таких же, как эти, в коридоре у лифта. Впрочем, этого никто не видел – в коридоре бушевала куча мала, сбитых с ног сторчков лупили чем попало и, если бы не броня – от них мало что осталось бы...

Вакханалию мщения прервал лишь голос Игоря Алексеевича:

– Берендяев, Сайгин! Возьмите их оружие – запереть пленных... а, черт, вон в том помещении, запереться самим, сидеть и не шуметь!

– Есть, Игорь Алексеевич!

– Новенькая! Извини... С тобой пойдет Машуков, его отец на космодроме работает... Коля, отведи новенькую на пост ПКО, пусть все объяснит отцу.

– Есть, Игорь Алексеевич!

– Скорее идите! Ребята, у кого есть пистолеты?

– У меня!

– У меня!

– У меня есть!

– И у меня!

– Так, хорошо... Никишов, Гена, ты будешь за старшего.

– Есть, Игорь Алексеевич... Игорь Алексеевич, что происходит?!

– Не знаю, Гена, ребята, – я не знаю! Скорее всего это и есть долгожданный *контакт*... –

Учитель проверил свой пистолет, не стал его убирать. – Я доберусь до ближайшей рубки связи. Вы – уходите на коммуникационный ярус вон через тот колодец. Никишов, не рассыпайтесь. Пробирайтесь в школу, запирайтесь там в убежище. С собой берите всех, кого встретите. Все, идите, скорее!

Учитель попятился, потом повернулся и заспешил по коридору, держа пистолет в готовности. Класс едва не побежал за ним – за взрослым, который знал, что делать.

Генка передохнул и запретил – наглухо запретил – себе думать о маме, папе, о Машке.

– Все слышали, кто старший? – отрывисто спросил он.

Ответом было молчание – напряженное, но не истеричное.

– Что Игорь Алексеевич сказал – тоже слышали? Тогда за мной, скорее!

Их подхлестнул еще один взрыв где-то наверху...

...Из коридора, где располагались младшие классы, выводили ребят.

Аварийный выход на коммуникационный ярус был в коридорчике за поворотом к младшим классам – там и сидели, тяжело дыша и совершенно не понимая, что делать, запыхавшиеся, перепачканные смазкой, мокрые мальчишки и девчонки. Странные, как две капли воды похожие на людей *чужаки* успели в школу раньше них – то ли случайно, то ли у них был план? И теперь в пяти шагах от ребят их младших товарищей – а у некоторых братьев и сестер – вели по коридору.

Кое-кто из младших ревел, но большинство просто цеплялись друг за друга и за воспитательниц. Девчонки смотрели со страхом, мальчишки – кто в пол, кто – волчком, исподлобья – на идущих рядом чужих солдат. У некоторых пацанов были разбиты лица, двоим помогали идти. Вокруг воспитательниц держались не только те, кому было очень страшно, – каждую из женщин беспомощным, трогательным и решительным кольцом окружали по десятку восьмидесятилетних мальчишек, державшихся как охрана.

Чужаки не осторожничали – они торопились. И по их поведению было видно, что они... они уводят *добычу*. Не прикрываются заложниками, как бандиты, не выводят детей из зоны боя, как честные враги, – нет.

Они вели рабов. И что рабы, несмотря на возраст, явно непокорны, похоже, их не смущало.

И это решило все.

Наверное, Генке показалась она – эта музыка. Или прозвучала в нем самом... Но она – была, как были чужие солдаты, ведшие младших...

Острые копья мы воткнем в небо,
Полками затмим горизонты.
Знает уж враг – не откупиться
От русского воина золотом желтым.
Мы выступаем не за трофеи,

Ведет нас вперед великая вера.
Если погибнуть за землю родную —
Не побоится тут каждый быть первым.
Лютая, братья, будет битва,
Сложат былины мудрые деды.
А коли останемся в поле навеки,
Что ж – жить нам после в легендах...

Песенный текст группы «Лигалайз»

– Будет славный бой... – одними губами прошептал Генка.
И увидел, что глаза сидевших вокруг и осторожно дышавших мальчишек разгораются – как угольки в пригасшем костре от дуновения ветра.
– Мальчишки... – дрожащим голосом сказала Алька.
– Молчи, – оборвал ее Богдан, не поворачивая головы. – Сидите тут. Когда все кончится – нагоните малышей и помогите воспиталкам.
– А вы... куда? – прошептал-вскрикнул кто-то.
– Поговорим о правилах поведения, – отозвался один из мальчишек. – Ну что, броском? Как на гандболе?
– Маль... – Алька осеклась и прижала ко рту ладони...
...Сторки ничего не поняли и даже первые секунды не сопротивлялись, растерянно отмахиваясь руками и прикладами, когда на них сразу отовсюду – кажется, даже с потолка! – с воплями и руганью посыпались какие-то полоумные чертенята. Некоторые из них были вооружены пистолетами, большинство – ножами, разными палками и прутьями. Но если прутот засветить изо всех немаленьких, хоть и мальчишеских сил в горло, то и латный воротник не выдержит... В руки мальчишек переключалось кое-какое оружие. И все-таки это была заведомо проигранная схватка. Пришедшие в себя взрослые, мощные враги – в доспехах, тренированные – стали стрелять в упор, засверкали, а потом заалели, длинные тесаки с изогнутыми концами-клювами...
...Страшно не было. Было весело. Было жутко. Но не страшно. Зеркальные тени плясали в масках врагов в толчее коридора.
Потом что-то – не больно, но очень горячо, с каким-то треском – вонзилось в грудь Генки, сторк толкнул его левой рукой – и мальчишка упал, но не на пол, а куда-то в свет и тепло. И успел подумать, что все они сделали правильно, только обидно, что...
...Десантник вырвал из груди звереныша, только что в упор застрелившего его товарища, тесак и перескочил через падающее тело...
...Девчонки смотрели, как погибают их одноклассники, как подгоняемые растерявшимися воспитательницами быстро исчезают в коридорах малыши...
– Девчонки! – вскрикнула вдруг Алька и, вскакивая,хватила пистолет...
...Все было кончено. В коридоре друг на друге лежали мертвыми девятнадцать земных мальчишек, семь земных девчонок и одиннадцать сторкадских десантников. Оставшиеся сторки растерянно озирались, с трудом приходя в себя после этой дикой схватки, принимались помогать раненым, которых было – почти все.
– Что это было?! – спросил кто-то у молодого офицера. – Это дети! Подростки! Что это было?!
– Они просто дали уйти младшим, ты же видел, – сказал офицер. – Разве ты сам поступил бы не так?
Он хотел еще что-то добавить, но насторожился. Снизу по коридору докатился звук плотной перестрелки, разбавленный хлопками взрывов. Это были звуки не стычки – а боя. *Настоящего.*

Офицер быстро огляделся. Ему показалось, что один из зверенышей – исколотый и изрубленный тесаками, с простреленным животом и полусожженным плечом – пошевелился... нет, не до этого.

– За мной, вперед, – скомандовал он, и коридор загудел от слитных шагов.

Двух тяжелораненых оставили под стеной – с оружием, даже не обещая вернуться: это и так было ясно, своих сторки не бросали никогда...

...Сторк не знал причину шума: это рабочая смена ударила в тыл сторкам, осадившим полицейский участок. Озверевшие от страха за свои семьи рабочие буквально в клочья разнесли врагов спешно наделанными из горных подрывных зарядов гранатами и дорвались до тут же открытого полицейскими аварийного арсенала...

Жители Одиннадцатой перешли в решительное наступление. Вначале сторки не приняли их всерьез. Вначале. А когда по тесным туннелям поползли неуязвимые для ручных бластеров проходческие «кроты», дыша в лица десантникам десятитысячеградусной смертью, когда повсюду загрелись взрывы, убивая сопротивлявшихся и отрезая дорогу тем, кто пытался спастись, тогда было уже слишком поздно...

...Раненые сторки не бросили оружие, когда в конце коридора вместо с надеждой ожидаемых *своих* появились люди. Вспыхнул короткий бой – и разномастно вооруженные земляне заполнили коридор. Раздались крики – боли, ужаса, изумления. Взрослые узнавали сыновей и дочерей.

Никто еще не знал, что больше сотни младшеклассников спаслись в штольнях именно благодаря этому классу. Все видели только искалеченные рукопашной тела девочек и мальчиков, и кое-кто начал искать живых сторков.

На крик «наш живой!» сбежались снова все, и каждый надеялся, нет – каждый *был убежден, что...* Но жив оказался только один – тяжело израненный – подросток...

...Потерявший весь десант и все высланные машины, ошеломленный яростным сопротивлением новой расы Рэн кен ло Илвэри сумел уйти с орбиты только потому, что захватившая пост ПКО группа сторков сражалась с отчаянным мужеством и в конце концов, потратив все боеприпасы, подорвала себя вместе с боевой рубкой. Позже на родине его действия были, как ни странно, оправданы – слишком велики были те новости, которые он доставил на Сторкад...

...Первый долгожданный контакт Человечества с высокоразвитым разумом состоялся.

«Привет вам, братья, вступившие в нашу семью...»

Интерлюдия Йэнно Мьюри

205 год Галактической Эры

История Луны-11 не заняла много времени – фактически первых героев Первой Галактической на Земле чтители и помнили, и фильмов об их подвиге – что документальных, что художественных – было снято множество. Кое-что Игорь хранил на своем комбрасе и выбрал самую-самую классику: еще в годы той войны снятый «За други своя» Вадима Завороницына – в чем-то наивный даже по нынешним стандартам, но зато сохранивший самый дух той эпохи, то самое неуловимое, что жившим после... нет, ну не понять, конечно, но возможно почувствовать сердцем...

Проектор в комбрасе, правда, был слабоват – изображение недотягивало до полноценного стерео, – и Игорь волновался: вдруг джангри просто не поймут, что им тут показано? Он-то «За други своя» столько раз смотрел, что ему и картинки не надо – достаточно услышать, и образы пионеров тех лет сами встают перед глазами, как живые... А вот если ты и пионеров-то в глаза не видел, да и истории тех лет не знаешь – тут можно и сказать: «Ну и что тут такого?»

Но вышло совсем по-другому. Выключив проектор, Игорь посмотрел на принца. Лицо у Охэйю было хмурое и злое – и не только лицо. Мальчишка чувствовал, что и в душе у него перекатывалась та же темная, тяжелая злость.

– Вам не понравилось, сударь? – сухо спросил Цесаревич. Он-то, конечно, ощущал все это куда лучше.

Охэйю дико взглянул на него:

– Разве такое может *нравиться*? Нет. Просто... жаль, что меня там не было – чтобы врезать этим гадам и спасти мальчишек.

Игорь длинно выдохнул. То же самое чувствовал и он – и совпадение их ощущений очень его порадовало.

– У вас такого не было? – спросил он.

Охэйю перевел взгляд с Цесаревича на него:

– Такого – нет. Когда рухнула Зона, у нас и кораблей-то космических не было – какие там колонии... А когда появились джаго – до боев на поверхности не дошло, мы воевали в космосе... Но я-то хорошо знаю – как это, когда тебя *ведут в рабство*. Так что вполне могу представить, как все это было. Только...

– Только – что? – спросил Игорь. Он чувствовал, что злость Охэйю не связана с обычным для каждого нормального человека ощущением обиды за то, что он не смог пресечь увиденное им зло.

Охэйю растер ладонями лицо. Невооруженным глазом было видно, что чувства у него сейчас... растрепанные.

– Я просто подумал: а смог бы я вот так пойти в бой – без малейшей надежды на победу?..

– И? – спросил Цесаревич.

Игорь бы на ТАКОЙ вопрос не решился.

– Нет. – Охэйю прямо посмотрел на него. Глаза у него были злые. – Я бы не смог. Вот почему у вас – Империя, а мы, ойрин, даже на своей планете не хозяева...

– Долг наследника престола – не в том, чтобы погибнуть, – дипломатично заметил Цесаревич.

Охэйю вдруг улыбнулся:

– И *это* бы тебя остановило – там и тогда?

Цесаревич ответил такой же страшноватой улыбкой:

– Нет.

– Ну вот... – Охэйо вновь потер ладонями лицо. – Знаете, я теперь понимаю, почему всякие уроды так на вас бросаются – рядом с вами становится *стыдно*. Чувствуешь себя... да поганю себя чувствуешь.

– Это значит, сударь, что вы больше не желаете длить общение с нами? – спросил Цесаревич.

Охэйо вновь поднял голову и посмотрел на него. Потом вдруг широко улыбнулся:

– Не-ет. Знаешь, как у нас говорят? «Если видишь гору – взойди на нее». И я хочу знать, что было дальше. Это ведь не единственная такая история? – Он посмотрел на Игоря.

Тот кивнул, одновременно думая: как же хорошо, что он захватил сюда подборку вроде бы и ненужных уже – и так все наизусть помнится! – фильмов о пионерах-героях Первой Галактической. Ведь как пригодились же!

– Ну вот. Значит... – Охэйо неожиданно широко зевнул и посмотрел на гостей уже сонно. – Я думаю, что хватит на сегодня, да?

Цесаревич кивнул. В самом деле, было уже поздновато.

– В таком случае, я приглашаю вас всех завтра. Можно пораньше – скажем, в полдень. Это не помешает вашим планам? – Он повернулся к Цесаревичу.

– Ничуть, сударь. У вас при дворе *очень* интересная компания.

Охэйо скривился.

– Интересная – это точно. Знали бы вы, насколько она *интересная*... – Он вдруг почти незаметным движением поднялся и шагнул к двери. – Позвольте, я провожу вас к машинам...

* * *

Понятно, что спокойной дороги домой у Игоря не получилось – едва он забрался в челнок, на него тут же навалились с вопросами. Игорь отвечал, как мог, коротко – лететь им было совсем недолго, а день, он чувствовал это, еще не закончился.

– Знаете что, ребята, – подытожил Яромир, когда они уже шли от посадочной площадки к посольству. – Генка и все остальные... *Они до сих пор сражаются*. Сражаются за нас, ребята. Так что... будем их достойны, – он замолчал, не зная, что тут еще можно добавить – да и стоит ли...

Когда земляне вернулись в посольство, было уже далеко за полночь. Мальчишки откровенно зевали – всем хотелось спать, однако пока что об этом нечего было и думать.

Андрей Данилович собрал своих подопечных в гостиной. Мальчишки переглядывались, кое-кто опускал глаза – одни перепробовали чужеземных угощений, проще говоря, бессовестно объелись, другие позволили себе несколько вольный танец с дамой, а кое-кто отвечал на разные, не слишком умные высказывания в адрес Русской Империи вовсе не в рамках дипломатического протокола. На дуэль, правда, мальчишки никого не вызвали – что уже само по себе было удивительно.

– Ребята, – начал Андрей Данилович, – вы общались сейчас с кучей народа, и мне – всем нам, взрослым – очень важно, что вам сказали, как к вам отнеслись. О мелочах не надо, только действительно важное.

Мальчишки посерьезнели. Объяснять им, что важно, а что нет, было уже не нужно.

– Господин полковник, – начал Яромир. – Вы видели в зале девушку-славянку?

– Да, видел, сударь. И что?

– Она подошла ко мне, – смущенно сказал мальчишка. – Очень подробно расспрашивала о том, как сейчас живут в Чехии, сколько на Земле осталось чехов, как обстоят дела с их культурой и прочее такое все...

– И что ты ей ответил?

Яромир смущенно опустил глаза:

– Правду. Да, мы живем в Русской Империи, но мы по-прежнему чехи.

– Она не сказала, откуда она, почему это так ее интересует?

– Сказала, что жила там, что она родилась в Братиславе, в тридцать четвертом году...

– Галактической Эры? – Андрей Данилович казался озадаченным.

– Нет, – мотнул головой мальчишка. – В две тысячи тридцать четвертом году. От Рождества Христова.

– Это ж почти пятьсот лет назад! – воскликнул Андрюшка Ворожеев. – Люди столько не живут.

– Я уверен, что она и в самом деле жила в Чехии, – упрямо повторил мальчишка. – Понимаете, есть мелочи, о которых невозможно узнать из книг, из стерео, откуда угодно – надо там *жить*. Кстати, в России она тоже жила.

– Гм. А потом? – спросил Андрей Данилович.

– А потом она покинула Землю и с тех пор ни разу на ней не была.

Это заявление вызвало короткий шум – в те времена Земля пребывала глубоко в Медленной Зоне и никто не мог ни прилететь туда, ни, тем более, улететь.

– Я надеюсь, ты спрашивал ее об этом? – спросил полковник.

Мальчишка вздохнул:

– Спрашивал, Андрей Данилович. *В ее мире никакой Медленной Зоны не было, и Третьей мировой не было тоже.*

– Вы уверены, что она говорит правду, сударь?

– Я уверен, что она действительно жила на Земле, – твердо ответил Яромир. – И что ей действительно пятьсот лет. Понимаете... она так говорила... словно после каждой моей фразы отходила на полчаса подумать, почитать книжки, справочники там всякие и только потом отвечала. Только на самом деле никакой паузы не было. Соображала она невероятно быстро. И еще... на самом деле, *тут ее не было*. Тело, которое мы видели, – кукла, я даже не знаю, как сделанная, но у нее не было своих мыслей, ничего. А хозяйка была где-то далеко – и, может быть, управляла не одним этим телом.

– Так, – Андрей Данилович нахмурился. – Лицеист Шомберк, сейчас вы пойдете в ксенологическую секцию, найдете там доктора Анисимова и расскажете ему все самым подробным образом. Выполнять!

Мальчишка четко откозырял и вышел. Полковник повернулся к оставшимся:

– Так, орлы, кому еще счастье привалило?

– Ко мне какой-то джангри подошел, – начал Димка Беляев, – интересовался, как там у нас, на Земле, с математикой. Молодой еще – навроде принца, – но ехидный какой! Изю всех сил старался выставить меня дураком, но я ему показал, что мы, земляне, тоже не лыком шиты. Ну, по крайней мере, постарался, – самокритично добавил мальчишка.

– А ко мне две дамы привязались, – сказал Святослав. – Нет, вы плохого не подумайте, – быстро добавил он, – у них уже внуки, наверное, взрослые. Их русский язык заинтересовал – просто страсть как. И так им скажи, и этак, и спой – хорошо хоть станцевать не попросили. А что, я бы мог, – добавил мальчишка под общий смех.

– А ко мне какой-то аниу пристал, – сказал Андрюшка Ворожеев. – До чего любопытный, жуть! Ему сколько ни скажи – все мало. Я под конец уже утомился языком ворочать, а он все одно – а как, а почему? Я еле отмахался от него. Дикие они, эти аниу, – совсем дикие, ровно как дети. Словно и не знают, как люди живут.

– Не ехидствовал хоть? – спросил Димка.

– Не, ну, по малости разве что. Мол, и форма у нас дурацкая – мы в ней, мол, как конфеты в обертке, и прически оттого короткие, что волосы рано выпадают. А у самого патлы, как у

девчонки, прямо в глаза лезут, а он их отмахивает, а когда я ему подстричься предложил – вызверился на меня, ровно я ему уши предложил отрезать.

– А может, это девочка и была? – предположил Игорь. – У них ведь и не отличишь в этих их полях.

– Не, – отмахнулся Андрей. – Я тебе что – парня от девушки отличить не смогу? И мордочка как у парня, и голос. Одно – любопытный, как ребенок.

– А ко мне мьюри какой-то подошел, – сказал Федор Волохов. – Все спрашивал, как мы боремся с подростковой преступностью. Я ему в лоб говорю: нету у нас такой, ну, нету! А он не верит – не может, говорит, такого быть, все подростки, мол, по натуре преступники. Ну, я его и послал – жаль стало время на дурака тратить.

– Далеко послал-то? – спросил Игорь.

– А сразу на три буквы и послал, – невозмутимо ответил мальчишка.

– И что? Пошел? – спросил Игорь.

– Пошел, как миленький, – ответил Федор, вызвав настоящий взрыв смеха. – Не понял ни фиги, но пошел – вник, видать, что тут ему не рады.

– Спокойно, ребята, – сказал Андрей Данилович, и смех сразу стих. – Что еще у кого было?

– Мне словно в затылок кто смотрел, – резко сказал Раймар. – Не все время, а осторожно так – посмотрит, а как я замечу – сразу шасть и нет его. Не глазами, конечно, смотрел – в мысли влезть попытался, паскуда. Я его стукнуть пару раз даже пробовал – так он уворачивался, а потом снова...

– И ко мне кто-то в голову влезть пробовал, – сказал Мирослав. – И не пообщаться – так-то я и не против – а нагло: что, мол, я думаю? Ну, я его и отшил.

– И ко мне, – сказал Тиудир. – Только не слишком старался уже – понял, видать, что ничего не получится.

Полковник нахмурился:

– Так, ребята, это уже серьезно. Любопытство – любопытством, а за такие вещи надо бить. И не только ментально, но и в морду.

– Может, это тот офицер в черном был? – предположил Раймар. – Как-то не по нутру мне он, чисто покойник.

– Капитан Лвеллин все время был с нами, – резко ответил полковник. – И ничем лишним он не занимался, в этом я уверен. Тут кто-то еще постарался. Так что пара неприятных вопросов нашим хозяевам гарантирована – и от подполковника Алябьева, и от Цесаревича лично.

Мальчишки промолчали. Они понимали уже, что к их визиту хозяева основательно подготовились – да и не только они, а вся весьма разношерстная компания, которая кучковалась при этом весьма странном посольстве. Каждый разговор, каждая вроде бы случайная беседа представляли собой тщательно продуманный экзамен – или даже настоящий бой, – и они не проиграли ни одного.

Пока не проиграли. И не собирались впредь.

* * *

Вернувшись, наконец, в свою комнату, Игорь вдруг понял, что не может уснуть. Вернее, не то, что не может – глупость какая! – а просто впечатлений он сегодня получил сверх меры и их нужно было разложить по полочкам, потому что и в голове тоже порядок должен быть. Но прежде, чем он успел этим заняться, к нему явился Яромир, уже бесстыдно зевающий – вообще-то, им обоим уже полагалось спать, завтрашней побудки Андрей Данилович отменять не собирался.

– Ну и как тебе принц? – спросил он. – Я-то вначале испугался даже, как он на тебя попер... А в итоге вон что вышло...

– Странный он какой-то... – честно ответил Игорь. – Так вроде бы нормальный парень, честный. Но как там англосаксы говорят? – без пары карт в колоде...

– Без царя в голове, – машинально поправил Яромир. Он всегда очень пунктуально относился к приоритету Русской Империи даже в таких вот мелочах.

– Ну, так. Вот ты можешь представить дворянина, который подходит к кому-то и говорит: «Хочу»?

– А в этом ничего плохого нет. – Яромир бухнулся на стул, поджал босые ноги и начал раскачиваться – казалось, он вот-вот грохнется, но Игорь знал, что такой радости он не дожидается. – Это смотря чего хотеть, вообще-то. Знать хотеть – хорошо. А хотеть, чтобы люди людьми были, а не свиньями, – так прямо-таки обязательно. Слушай, разве тебе Андрей Данилович не говорил: «Хочу, мол, чтоб у тебя в комнате все было убрано?» – Он улыбнулся.

Игорь поморщился:

– Да говорил, целых два раза. Но мне тогда шесть лет было... А тебе какое счастье привалило? Кто там эта девушка была? Анджела?

– Анхела, – поправил Яромир. – Анхела Маржета.

– И что? Откуда она, как ты думаешь?

Яромир молча покачался на стуле. Лицо у него было вдохновенное, как морда у саблезубого енота, добравшегося до залежей продуктов.

– Я сейчас у доктора Анисимова был... Интереснейший, кстати, мужик – я из его речей половину не понял, наверное... Ты теорию Сафронова знаешь?

– О параллельных Вселенных? Знаю, конечно, кто же ее не знает? Дофига параллельных Русских Империй – это, знаешь, внушает... Вот только доказательств никаких, хочешь – верь, хочешь – не верь...

– А если доказательства найдутся... – начал было Яромир, но Игорь прервал его: чего другого, но заумных лекций на ночь он желал сейчас меньше всего иного. В конце концов, завтра будет день и будет пища, как брат говорит... и как говорил отец.

– Уже второй час ночи, между прочим. Давай, братец, спать?

– Валенок ты сибирский, – проворчал Яромир, поднимаясь, и, зевая, побрел к двери. – Нет, черт побери, как интересно все же жить, а?

Игорь молча согласился с этим.

* * *

Жить в самом деле оказалось... интересно. Утром, едва разгоряченные после зарядки мальчишки ввалились в столовую, неугомонный Андрюшка Ворожеев включил стерео – посмотреть, что там еще врут о землянах. Но о землянах там не ввали. Правды, впрочем, не говорили тоже. Можно сказать, совсем ничего не говорили, если не считать постоянных апеллированных типа «на Земле такое было бы недопустимо... земляне никогда так не поступили бы... если мы обратимся к опыту решения подобных проблем землянами...» и так далее и тому подобное.

Сейчас хозяевам было, судя по всему, уже не до «жутких земных дворян» и тех способов, какими они угнетают свой многострадальный народ...

Здесьние аналитики перемывали кости не землянам, а собственным хищникам-капиталистам. Причем напоминало это просто-напросто сводки из районов боевых действий.

Закончившееся недавно исследование условий жизни и труда неквалифицированных рабочих вызвало шок у граждан Федерации. Данные, опубликованные медиаконцерном

«Махион», подтверждают беспардонное нарушение прав человека, низведение рабочих до положения рабов и вопиюще низкие условия жизни.

Данные касаются главным образом «Мемон Фабрик», дочерней компании «Ультра-Текстилез» (которая, в свою очередь, является дочерней компанией «Амфатара»). Свидетельства бывших рабочих, а также данные негласного расследования деятельности одного из ведущих заводов компании раскрывают картину, которую невозможно назвать иначе как «абсолютно негуманную».

Один из свидетелей, ранее работавший на «Мемон Фабрик» и обратившийся в «Махион» с идеей расследования, утверждал, что однажды получил травму руки из-за отказа автоматического станка. Вместо того, чтобы направить его в медпункт, начальник смены просто перетянул ему руку какой-то тряпкой и отправил работать до конца рабочего дня. В медпункте же ему за пять минут простерилизовали и зашили рану, после чего уже на следующий день отправили на рабочее место.

Один из журналистов «Махион» смог устроиться на завод и пронести с собой скрытую камеру. Среди происшествий, попавших в ее объектив, – рабочий, пострадавший от обезвоживания, сотрудник, получивший травму из-за поломки станка и немедленно замененный другим рабочим без какого-либо ремонта оборудования, а также множество случаев порезов и мелких ран, оставшихся без должной помощи и ухода в антисанитарных условиях.

«Компании выплачивают своим сотрудникам почти всю зарплату своими купонами, – заявил также бывший сотрудник фабрики. – Да, они платят небольшую сумму нормальными деньгами, однако все эти деньги уходят на оплату корпоративного жилья, так что сотрудникам не остается практически ничего. Купоны компании можно отоварить в корпоративных магазинах, а цены там такие, что вся зарплата уходит на хлеб и воду. В принципе, есть возможность обменять купоны на реальные деньги, однако курс обмена настолько несправедлив, что для того, чтобы скопить достаточно реальных денег на паршивый гамбургер, нужно не есть и не пить несколько месяцев!»

Сотрудник ПР-отдела компании «Мемон Фабрик» заявил корреспонденту «Махион»: «Сотрудники вправе в любой момент сменить место работы по своему желанию, а также вправе просто расторгнуть контракт в любой момент. Им оплачиваются больничные листы, а также предоставляются отпуска в соответствии со сроком работы. Сотрудники довольны обращением и вполне счастливы. Мы действуем в строгом соответствии с законодательством, а любые известные случаи его нарушения тщательно расследуются».

На это бывший сотрудник компании ответил, что формально все сказанное соответствует истине, однако для простого рабочего более чем невозможно заставить эти формальности работать на себя.

«Сотруднику требуется доказать, что он болен, а для этого нужно попасть к врачу, чтобы он выписал больничный лист. Если же ему хватит здоровья, чтобы добраться до доктора, его объявят достаточно здоровым, чтобы продолжать работу. Если же он не сможет добраться до врача, из его жалования вычитается сумма для оплаты труда сотрудника, заменившего его на рабочем месте. Сведения о нарушениях принимаются только от менеджеров, а именно они и являются главными нарушителями законов. Для того же, чтобы покинуть станцию, на которой расположен завод, нужно оплатить место реальными деньгами, которые практически невозможно получить».

После передачи «Мемон Фабрик» выпустила пресс-релиз с опровержением. В нем опубликованные сведения названы «типичным примером предвзятости т. н. «свободной прессы» в отношении бизнеса». Далее в нем было заявлено, что «данная история выставляет в самом невыгодном свете условия труда на заводах компании. Условия труда на всех наших заводах соответствуют стандартам, действующим на территории Федерации. Если правительство соберется должным образом проверить условия труда на наших заводах, мы, естественно,

будем настаивать на как можно более тщательной проверке. До окончания проверки вся эта история не стоит и выеденного яйца».

Сенатор Харле Исли из Сенатского Комитета по надзору за корпорациями отметила, что комитет намерен начать расследование данного случая. «Если эти обвинения окажутся правдой, то продукция компании «Мемон Фабрик» может в соответствии с Федеральным Законом о торговле быть объявлена созданной с применением рабского труда, что приведет к полному запрету ее деятельности на территории Федерации».

– Вот тебе и «общество благоденствия», – сказал Яромир. – Обычные граждане Йэнно Мьюри – рабы... хоть официально это и звучит по-другому...

Игорь хмыкнул:

– Сторки говорят, что рабы-джаго все же лучше – выносливей, неприхотливее... и выживают на урановых рудниках дольше.

Яромир кивнул:

– Правильно все делают. Куда еще всех их девать? Если их отпустить – расплзутся по вселенной, размножатся, и придет всем пушистый сибирский зверек... И так тут уже в каждом портовом квартале куча джагганских рож, я видел, посещал, так сказать... Это сейчас мьюри чушь порют про демократию и права человека, а завтра что – прилетят к нам насаждать свои порядки? На фиг на фиг – нефиг нефиг.

– До нас у них руки короткие, – ответил Игорь. – Я думаю, корпорации сейчас начнут информационную войну с переманиванием джаго к себе на фабрики, чтобы компенсировать недостачу рук. Платить будут живыми деньгами, а не талонами, но мало...

– Ага, с рабочими руками у них и правда фигово, – усмехнулся Яромир. – Народу толпы, а рабочих нету, каждый рвется хоть с краешку, но штурвал покрутить... Как тебе «найм наркозависимых граждан в обмен на достойный медицинский уход за ними»? И, разумеется, корпорации получают свою долю за использование рабочей силы... Знаешь, как они друг перед другом на этот счет распинаятся? Мол, у нас ничего такого нет. Да, у нас строгие порядки и капитализм. Но никакой рабской эксплуатации. Да, наш народ впахивает, как папа Карло, и уровень жизни скромный, роскошь и развлечения не шибко распространены. Но это потому, что мьюри предпочитают труд на благо страны и своей родной корпорации личным интересам. Так что это все грязная клевета и пропаганда конкурентов, которые только и могут работать за большой куш! Да еще чтобы телевизор на рабочем месте, и обед бесплатный, и если пальчик порезал, то сразу больничный. Вот рабочей силы у них-то и не хватает, ибо все они декаденты и гедонисты, а мы – трудоголики.

Игорь хихикнул:

– Когда наш земной бородатый дядя придумал слово «капитализм», нормой был четырнадцатичасовой рабочий день с одним выходным. Никаких тебе отпусков, больничных и медицинских страховок. Нет работы – становишься этим, как его... вагабондом, и тебя отправляют на пару-тройку лет в каменоломни. Там тот же рабочий день, только вообще без выходных и бесплатно. При всем этом ты должен быть патриотом родной фирмы, и в случае чего – сдохнуть за хозяина по первому его зову. Кто против хозяина – тот не гражданин... Так что налицо обыкновенная «демократическая» пропаганда с целью достижения своих интересов, под прикрытием «гуманизма» и «общечеловеческих ценностей» – последнее особенно круто, представь общие ценности для дайриса и фомора!!! – Мальчишки буквально заржали. – Интересы – привлечение дополнительной рабочей силы на свои предприятия и попытка недобросовестной конкурентной борьбы посредством удара по престижу конкурента. Классический пример «свободной журналистики».

Яромир, перестав смеяться, с сомнением посмотрел на него:

– Знаешь, все-таки пропаганда творит чудеса. Человека можно убедить, что ему что-то не нужно, особенно когда этого «что-то» он не имел, не имеет и в глаза не видел. Пропаганда объяснит, что является средством передвижения, а что роскошью. Она может убедить, что роскошью может являться все, что лежит свыше маленькой кельи и рубища на теле. Обладая чем-то, мы привыкаем к нему и не думаем, что для кого-то мы можем выглядеть людьми, живущими в роскоши. Это я к тому, что пропаганда может назвать роскошью то, что таковой не является. Многие мьюри сейчас считают, что они являются скромными людьми, не любящими роскошь. Только для них понятие «роскошь» несколько отличается от нашего. Впрочем, кто-то в более дикой стране может считать, что мы тоже просто лицемерим и таки купаемся в роскоши. Немного сумбурно, да?

Игорь пожал плечами:

– Наверное. Хотя да, ведь на многих планетах на самые обычные наши вещи глядят, как на сокровища... Понятие роскоши напрямую зависит от среднего уровня жизни и принятого за эталон образа жизни. Причем не обязательно, чтобы этот эталон можно было назвать человеческим, нужно только убедить людей, что так и надо. Роскошью могут быть названы даже те предметы, которые в другом месте попадают в разряд жизненно необходимых. Кстати, мьюри любят развлечения и азарт... и рисковать особенно остро любят. Но при всем при том карьеру на риске ты у них не сделаешь. Вот у скиуттов – запросто.

– У скиуттов... – задумчиво пробормотал Яромир, явно уже задумавшись о чем-то другом. – Ты к принцу-то этому снова летишь или как?

Пятый год Экспансии

Сведения

ПРОКСИМА (альфа Центавра): расстояние до Солнца – 1,31 парсека... Спектральный класс G2; радиус и масса равны солнечным. Тепловое излучение ок. 6 тыс. Кельвин... 4 спутника... Луны: русская № 2, англосаксонская № 4... обитаем один мир – Китеж (3-й спутник... статус – Вассал)...

КИТЕЖ: орбитальный радиус – 1 а. е., (...) период обращения – 343 дня... естественные спутники: Полуночная, диаметр – 0,7 земной луны, радиус орбиты – 1 земной луны; Червоная, диаметр – 0,6, радиус орбиты – 0,2...

Масса планеты – 0,89 земной, плотность – 1, сила тяготения – 0,92... Радиус – 5974 км, длина экватора – 41 005 км... Общая площадь поверхности – 490,2 млн. км²...

Водой занято 64 % поверхности... Среднее атмосферное давление 0,9, содержание кислорода – 21 %...

Ось вращения наклонена к плоскости эклиптики под углом 12°38'. Период обращения – 25 часов...

Население: /на 4 г. Экспансии./ – 11 млн. чл. (84 % русские, 11 % французы, 3 % болгары, 2 % англосаксы). Язык – русский... Столица – Трезубец (45 835 чл., космопорт)... Основная масса населения – фермеры, охотники, старатели – живет в небольших поселках, на фермах, кордонах, в поселках и станицах... Управление: вассалитет Российской Империи... генерал-губернаторство... 37 губерний, 14 латифундий с внутренним самоуправлением... Уверенно контролируется 100 % планетарной суши...

Экономика: экспортируются продукты сельского хозяйства, живой скот, лесоматериалы, пластмассы, меха, некоторые металлы... импортируются техника, оружие, часть предметов быта... денежная единица – рубль... средний доход на душу населения – ок.6 тыс. руб...

История: планета открыта в 1 г. Экспансии 2-й Звездной экспедицией (В. В. Игнатович, «Гамаюн»)...

Туземцы: харг-каарт (оценочная численность на 3 г. Экспансии ок. 25 млн.). Человекообразные гуманоиды... населяют зоны умеренного пояса... четыре тонкие конечности с двусторонней вертикальной симметрией. Средний рост ок.1,5 м. Зеленовато-бурый волосяной покров всего тела... большие круглые глаза зеленого (оттеночно) цвета со зрачком-диафрагмой... нос-клапан... Уровень развития харг-каарт на всей планете примерно соответствует неолиту по времени Земли... Туземцы легко контактны, восприимчивы и в целом миролюбивы... в настоящее время основное их количество так или иначе дружелюбно контактируют с землянами и признают – насколько это возможно в силу их миропонимания – власть Императора...

Серия «Планеты и Луны исследованной Вселенной»

Том 2. «Китеж».

Из сообщений СМИ Йэнно Мьюри о событиях в Нижнем Крае

Русская Империя объявила официальную войну рабству

Военное министерство Русской Империи объявило о полном подчинении так называемых «отказников», живущих на Брэссуде сторков-рабовладельцев, которые не исполнили указ Императора о безусловном освобождении рабов. Русские части ОВС Земли заняли их владения и освободили всех шэни, объявленных «неотчуждаемой собственностью Сторкада».

«Его Величество Василий VII желает, чтобы было известно: указ основателя династии Евгения Романова о вечном запрете рабства распространяется на всех граждан других государств на всех планетах, заключивших союз с Русской Империей, без каких-либо исключений, – заявил командующий экспедиционной эскадрой контр-адмирал Александр Санин. – Те рабовладельцы, что упорствовали в своем отказе, были захвачены. Руководители мятежа уже казнены в соответствии с законами Империи. Те, кто по глупости последовал за ними, арестованы. Семьи «отказников» будут высланы с Брэссуды на Сторкад с перспективой обмена на земных гражданских лиц, удерживаемых сторками по принципу «всех на всех». Такова будет судьба всех рабовладельцев. Они должны вновь понять, что зло не остается безнаказанным. Вне всякого сомнения, – добавил он, – нас в ближайшее время поддержит и Англо-Саксонская Империя, а вскорости практика освобождения рабов будет официально установлена Большим Кругом Земли как обязательная для всех, кто желает мира с нами».

Сообщения с Брэссуды указывают на жесткие боевые действия в отдельных районах, с орбитальными бомбардировками по некоторым целям. Часть сторков продолжает сопротивление в прибрежных лесах вдоль

океанских берегов. Предполагается, что более пятнадцати миллионов рабов-шэни удерживалось ими в нарушение императорского указа. Они будут перевезены в центральные города планеты, а оттуда – в выбранные ими места, в соответствии с их пожеланиями.

3. СЕЗОН ОХОТЫ

Пятый год Экспансии / Первый год Галактической войны

Жизнь – штука довольно-таки непредсказуемая. Если бы всего год назад кто-то сказал Борьке Рокотову, что он будет рассекать по улице затопленного и заброшенного туземного поселка на сделанном своими руками аэрокатере, он бы ни в жизнь не поверил, хотя как раз это и не было удивительно – улица была затоплена на добрых полметра, а то и выше, и между серыми плетнями лениво колыхалась холодная темная вода.

Сам катер мог бы привлечь гораздо больше внимания – темно-синий пластмассовый «блин», два на три метра. На его корме был установлен мощный мотор с полутораметровым воздушным винтом, впереди стояло водительское кресло, руль и пульт управления, а между ними, на маленьком пятачке, было место для стрелка. Все это окружали легкие, но прочные дуги из стальных труб, защищавшие катер от ударов – весьма нужное приспособление, учитывая то, что разгонялся аэрокатер хорошо, а вот про тормоза Борька как-то забыл.

Место стрелка сейчас занимал Витька Галюшин, пристегнутый к трубам поясом, каким обычно пользуются монтажники – чтобы не биться о них, если катер во что-нибудь врежется, а это случалось сплошь и рядом – управляться с ним было непросто, несмотря на похожий на жалюзи воздушный руль. К тому же, часто единственным способом проехать было снести очередной забор, врезавшись в него на полной скорости.

Сам Борька не слишком страдал от таких трюков, Он сидел в автомобильном кресле, пристегнутый стандартными ремнями безопасности, а вот Витьке приходилось хуже – он стоял, а руки у него были заняты. Так что все рывки приходились на пояс, и после каждого столкновения Борька узнавал о себе много нового.

Правду говоря, именно Витька был тут главным, он говорил Борьке, куда ехать, не особо объясняя, зачем, но тот не возражал. В конце концов, от водителя катера тоже кое-что зависело, хотя от стрелка зависело гораздо больше. Хорошо хоть, что оружие им досталось серьезное – у Витьки была древняя автоматическая винтовка «L1A1», созданная еще до Безвременья. Во времена Серых Войн практичные англосаксы вновь начали производство этого надежного и неприхотливого оружия под мощный 7,62×51-миллиметровый патрон, разработав к нему и сошки, и тяжелый ствол, и барабанный магазин, – все это позволяло превратить винтовку в полноценный пулемет. Но у Витьки винтовка была обычная, правда, с экспансивными пулями.

Обращаться с тяжелой, в четыре с половиной килограмма, стодесятисантиметровой дурой, да еще с сорокапятизарядным барабанным магазином было не очень-то удобно, но против *маха* даже стандартный русский 7,62×39-миллиметровый патрон действовал довольно-таки плохо, да и прицельная дальность тут была побольше – семьсот метров верных.

Правду говоря, охотничий «Тигр», под сверхмощный патрон 8,6×70, тут подошел бы куда больше, но это было слишком редкое и дорогое оружие, да и весил он почти семь килограммов – когда стрелку четырнадцать лет и его мотаает, словно горошину в стручке, это довольно-таки неудобно. У Витьки винтовка и так была «лысая» – не только без разных малополезных в данной ситуации приамбасов вроде лазерного прицела или сошек, но даже без оптики – это позволяло снизить вес, а речь о снайперской стрельбе с качавшегося катера все равно не шла. Стрелять приходилось навскидку, почти не целясь – и главным тут было не попасть в цель на запредельной дистанции, а сделать побольше относительно точных выстрелов. Вообще любой пулемет – хотя бы простой «Печенег» на турели – подошел бы тут куда лучше, но Витька не любил пулеметы. Он отчего-то считал, что, когда ты стреляешь из него, убиваешь не ты, а убивает машина, и с пеной на губах проталкивал эту странную теорию. А после того, как полгода назад произошла трагедия – *маха* разорвали его младшую сестру, – он истреблял их с само-

забвенной яростью, как настоящих разумных врагов, и сам решал, как будет сводить счета. Хорошо хоть, что патронами он запасся основательно. В тяжело болтавшейся перед мальчишкой привязанной к трубе сумке лежало шесть запасных сорокапятизарядных магазинов, а на самый крайний случай на бедре Витьки висела кобура с древним, как мир, «кольцом», тоже до сих пор производимым практичными англосаксами. Это старое, но очень мощное и точное оружие весило многовато для мальчишки, но вес окупался уникальной надежностью, огромной убойной силой и почти полной невосприимчивостью к грязи. В левом кармане джинсов Витьки лежали две запасные обоймы к этому чудовищу.

Борька тоже был вооружен – винтовки ему не полагалось, да она ему была и не нужна. У его правой ноги, в специальном креплении, торчал англосаксонский же полицейский «раптор» – тридцатизарядный пистолет-пулемет под мощный 10×25-миллиметровый патрон. Конечно, современные русские 4,8×30-миллиметровые модели, вроде «элемента» или «жнеца», стреляли в два с половиной раза дальше – прицельная дальность «раптора» не превышала ста метров, – но это было оружие для уличного боя, его проектировали против врагов, закованных в бронежилеты, а против *маха* было нужно оружие попроще, с упором на убойную силу, и «раптор» неплохо под это подходил. Он был компактен и легок – шестьдесят сантиметров с выдвинутым прикладом и два с половиной килограмма веса, имел неплохую балансировку, был прост в обращении, разборке и ремонте, а также оснащался встроенным глушителем – необходимая вещь для боя в замкнутых помещениях, если вы не хотите оглохнуть. Здесь глушитель был вроде бы ни к чему, но Борька не любил треска выстрелов, да и слышать команды ему тоже иногда стоило.

В прицепленном под его левой рукой подсумке лежало семь запасных тридцатизарядных рожков – плюс еще один в самом «рапторе». Конечно, водитель вообще не должен стрелять – разве что в совсем уж крайних случаях, когда стрелок не справляется, ведь вообще-то его дело рулить – но иметь запас все-таки стоило. Мало ли что – вдруг откажет двигатель, например. Хотя он, как и топливный бак под ним, был прикрыт массивным кожухом, защищавшим его от случайных повреждений, всегда оставалась опасность непредвиденной поломки. Борька прекрасно понимал, что, если мотор сломается, например, сейчас, они, скорее всего, умрут – до поселка было уже больше тридцати километров и пройти их пешком, по наполовину затопленной, кишачей *маха* местности было почти совершенно нереально. Конечно, перед этим рейсом – как и всегда – он проверил все как можно тщательней, но приходилось следить и за топливом – катер нес всего трехчасовой его запас, а они плыли уже больше часа. Чуть меньше часа на охоту – и в обратный путь.

Борька поехал – одет он был лишь в поношенные джинсы, как и Витька, а день выдался довольно-таки холодный, хмурый и ветреный. Но ничего не поделаешь – винт поднимал массу водяной пыли, да и сам катер сидел очень низко – вода то и дело захлестывала его босые ноги. Она тоже была холодная, но Борька не вздрагивал, уже почти привык. Он по опыту знал, что любая одежда тут скоро промокла бы, и тогда стало бы по-настоящему холодно, да еще, вдобавок, и мерзко, а их ничего не должно было отвлекать. Ровный шум двигателя усыплял и глушил все звуки, так что оставалось надеяться лишь на глаза. Что еще хуже – этот шум и быстрое движение катера создавали ощущение защищенности, отдельности от окружающего мира, а доверять ему ни в коем случае не стоило. Сзади их защищал прикрытый предохранительной решеткой массивный стальной винт с не менее массивными рулевыми жалюзи, а вот с других сторон защиты почти не имелось.

Конечно, трубы вокруг неплохо прикрывали их от ударов, но совершенно ничего не мешало *маха* просунуть между них лапу и выдернуть водителя или стрелка вместе с крепежными ремнями. Что потом бывает, Борька знал слишком хорошо. Даже если тварь тут же убьют, она почти наверняка успеет превратить человека в мешок с костями, он подобное видел и вовсе не мечтал умереть таким вот образом.

Как назло, погода сегодня и правда выдалась скверная – по небу сплошь плыли низкие серо-синие тучи, дул сильный ветер, того и гляди мог пойти дождь. К тому же было уже довольно поздно – около четырех часов дня. Когда они будут возвращаться, уже начнет темнеть – не лучшее время для охотников, но лучшее время для охоты – как раз такую погоду и такое время предпочитали *маха*.

Борька вообще не считал этот поход хорошей идеей – они отправились в него в одиночестве, и сейчас до самого поселка вокруг не было ни одной живой души, но у Витьки были свои соображения. Правда, *маха* словно бы как-то почуяли их – они явно попрятались, и в их поисках ребята забрались уже слишком далеко – туда, куда обычно забираться не решались. Все это было не к добру, и Борька нахмурился.

Пока он ехал быстрее тридцати километров в час – сейчас катер уверенно держал сорок, – бояться нападения сзади не стоило. Спереди, собственно, тоже – вдоль длинной затопленной улицы можно было вести огонь, как в тире, а стрелком Витька был отличным. Но вот если твари выломатся сбоку, с небольшим упреждением, чтобы катер не успел проскочить мимо них... тогда останется рассчитывать лишь на то, что их будет мало и они нападут лишь с одной стороны. Надеяться на внезапность было бы глупо – ровный шум мотора разносился на километры вокруг, и *маха* вполне хватало времени, чтобы подготовить засаду. Заборы и хижинки вокруг давали им возможность нападать буквально с нескольких метров – и, если они бросятся сразу со всех сторон...

Борька невольно положил руку на пистолет, свое запасное оружие. Простой «бердыш» или даже стандартная армейская «гюрза» тут мало годились, и у него поэтому был такой же, как у Витьки, «кольт». Его тяжелая пуля обладала впечатляющей убойной силой, но со скоростью у нее было плоховато и прицельная дальность оружия не превышала полусотни метров – впрочем, Борьку это мало волновало, он понимал, что стрелять придется (если придется) на гораздо меньшей дистанции. Куда больше он боялся за надежность оружия – «кольт» славился своей чувствительностью к влаге, а ее вокруг было более чем достаточно.

Когда-то очень давно этот пистолет считался «крутым», но в бою он мало чем отличался от того же «бердыша». В охоте на *маха* было иначе – тут убойная сила играла основную роль. Борька не считал себя особо метким стрелком и потому прикрутил к пистолету лазерный прицел – прибабас обычно довольно бесполезный, но вполне эффективный в такой вот хмурый день. Вот только запасных патронов у него совсем не было – одна обойма в пистолете, и все. Не то чтобы их не было совсем – Борька не брал их из какого-то, довольно-таки глупого, суеверия. Он считал, что пистолет может пригодиться при внезапной атаке, но рассчитывать на него не стоило – если основное оружие выйдет из строя, толку от «кольта» в любом случае будет весьма мало...

Мальчишка заметил впереди переулочек – до него оставалось всего метров пятьдесят. Ему инстинктивно захотелось притормозить, но он тут же прибавил газу: мимо таких вот мест лучше проскакать на полной скорости.

Он ничего не успел подумать, когда из-за этого поворота вдруг вылетели *маха* – двое или трое, он сразу не успел понять, не успел даже испугаться, хотя *маха* выглядели, мягко говоря, жутко. Само это слово было сокращением от «росомахи», но ничего похожего на росомаху в этих тварях не было, и о чем только думал тот, кто их первым так окрестил... хотя, возможно, это произошло из-за их хитрости и коварства. Больше всего они походили на каких-то здоровенных обезьян, скорее, на вымерших горилл Земли – двухметровые, невероятно широкоплечие, с чудовищными, с человека толщиной, руками, свисающими почти до земли – *маха* и передвигались в основном с их помощью. Башки у них были здоровенные, морды вполне обезьяньи, только с громадными зубастыми пастьями. Больше ничего обезьяньего в них не было – никакого хвоста, а голая, красновато-черная кожа делала их похожими на каких-то жутких мутировавших жаб.

Над головой Борьки бабахнул выстрел, больно ударив по ушам, – Витька принялся за дело. За черепом первой твари распустилось тут же пропавшее красноватое облачко, и она грузно опрокинулась навзничь. На таком малом расстоянии пуля мощного винтовочного патрона пробила навывлет даже почти несокрушимый череп...

...Лишь потом Борька понял, что их спас плетень, за которым твари устроили засаду. Они рассчитали все – и дистанцию, и то, что внимание стрелков будет отвлечено. Не учли лишь, что плетение палок, заросшее и стянутое вьюнком, окажется слишком прочным даже для их исполинской силы – забор не рухнул в первый же миг, и тварям пришлось ломать его, а это дало мальчишкам несколько спасительных мгновений.

Витька, не отрываясь, продолжал стрелять вперед – оттуда к ним бежали уже пять или шесть тварей, и Борька развернулся, выдернув из креплений «раптор». Забор буквально взорвался перед ним. Один их обломков больно ударил его в бедро, и перед парнем возникли сразу четверо *маха*. До ближайшего было всего метра три. Борька отчетливо подумал: «Это конец» – и тут же открыл огонь.

Он стрелял не целясь, опустошая магазин одной длинной непрерывной очередью, – к его счастью, вбитые в подкорку стрелковые рефлексы сработали быстрее сознания, и, вместо того, чтобы расстреливать ближайшую к нему тварь, он повел стволом справа налево, вогнав по несколько пуль в каждую – это не убило ни одного *маха*, но остановило атаку, а потом катер уже проскочил мимо них. Бояться погони не стоило – эти амфибии, смертельно опасные в глубокой воде, были неуклюжи и малоподвижны на мелководье, что и породило саму охоту с аэрокатеров.

Борька до предела дал газу, направив катер прямо на отряд бегущих навстречу *маха*, – другого выбора не оставалось. Над его головой загрохотала винтовка – Витька перешел на автоматический огонь, что делал только в крайних случаях.

Маха задергались – двое или трое, окутываясь тут же исчезающими облачками кровавого пара, – а потом катер на полном ходу врезался в них. Борьку рвануло вперед с такой силой, что потемнело в глазах, автомат едва не вылетел из его руки. На какой-то миг он ослеп, ремни впились в тело так, что хрустнули ребра. Раздался мощный глухой удар, катер просел, и холодная вода захлестнула ноги.

Мальчишка скорее понял, чем почувствовал, что туша *маха* пролетела над катером, и почти тут же он врезался во вторую, сбил ее и начал опрокидываться – корму ощутимо повело вверх.

К счастью, на сей раз гравитация победила – замерев на секунду, корма катера рухнула вниз, но не выровнялась, упав на что-то мягкое – на тушу *маха*, как бездумно отметил мальчишка. Он не сразу осознал, что они не движутся – мотор по-прежнему ревел, но тупой нос катера упирался в тушу *маха*... в тушу, которая начала медленно, неуклюже подниматься.

Борька оцепенел от ужаса – от удара дыхание его сбилось, все тело стало как ватное – словно в каком-то кошмаре, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. В каком-то метре от него колыхалась огромная, как арбуз, башка *маха* – налитые кровью глазищи тупо буравили его, из пасти воняло. Краем глаза он заметил, что справа и слева поднимаются еще две твари, чуть ли не больше первой. Громадная лапа потянулась к нему...

Над его головой снова раздался грохот – и по башке твари наискось пробежала линия узких зияющих дырок, словно кто-то вбил в нее ряд толстых невидимых гвоздей, вколотив кожу в череп. *Маха* шумно опрокинулся назад, в воду, грохот повторился еще дважды – двумя короткими очередями Витька сбил двух других поднимавшихся тварей. Еще двое были, похоже, убиты до этого – никто больше не пытался нападать на охотников.

Борька наконец вдохнул и повернулся к другу. Лицо у Витьки было белое от боли – страшный рывок едва не перерезал его пополам, но он все же смог как-то перезарядить винтовку и открыть огонь. Борька шевельнул онемевшей, словно чужой рукой с повисшим в ней

автоматом – в оружии не осталось ни одного патрона, и он подумал, что его нужно перезарядить.

В этот миг катер потряс страшный удар – его корму подбросило и наполовину развернуло. У Борьки непроизвольно клацнули зубы – он чуть было не откусил себе язык. Витька охнул и выдал нечто непечатное.

Второй удар развернул катер боком, и Борька увидел *маха*, похоже, того самого, который только что пролетел над его головой. Не было видно, что он сильно пострадал от этого, – хрипло заревев, он протянул к мальчишке громадную осклизлую лапу... и Борька, выхватив «кольт», уложил его одним выстрелом между глаз.

За первой тварью, шатаясь, приближались еще две или три – из числа тех, что Борька подранил, но так и не добил до конца, и Витька расстрелял их из винтовки. Потом вдруг стало очень тихо – Борька заглушил двигатель и, расстегнув ремни, обежал катер кругом, выискивая возможные повреждения. Ограждение винта оказалось погнуто – к счастью, не настолько, чтобы винт задевал его, – а вот дальше...

– Что там? – испуганно спросил Витька, торопливо перезаряжая винтовку.

Вокруг них царил тишина, но это мало что значило. *Маха* привлекал шум – и в любой миг могли появиться новые.

– Руль погнул, падла, – хмуро отозвался Борька. – Сразу две лопасти.

– Не заклинил? – тревожно спросил Витька. Инструменты для ремонта у них были, но чиниться тут, отбиваясь от тварей, было бы тем еще удовольствием.

Борька вскинул винтовку на спину и двумя руками подергал лопасти.

– Вроде нет, но обратная дорога будет, я скажу тебе...

– Скажи еще, что не справишься, – усмехнулся Витька.

Борька сплюнул.

– Почему? Справлюсь, конечно. Но вот помотает нас здорово, это да. Короче, накрылась твоя охота. Так что слезай, голубь, со своего насеста.

– Это зачем? – подозрительно спросил Витька. Лезть в холодную, бурую от крови тварей воду ему совсем не хотелось.

– Зачем, зачем... Надо эту п-падь растащить, иначе я не развернусь.

– А если новые пожалуют, кто тебя прикрывать будет?

Борька картинно закатил глаза. Витька, конечно, был прав, но возня с мерзкими тяжелыми тушами не слишком его прельщала. Р-р-романтика, мать ее... Но раз любишь кататься – люби и саночки возить. Да и клыки у дохлых *маха* заодно можно вырвать – на ожерелье типа «смерть девчонкам»...

– Я тебе еще припомню, – ухмыляясь, предупредил друга Борька и, вздохнув, принялся за дело.

* * *

Обратная дорога и правда оказалась выматывающей. Когда они добрались до сухого места, где можно было причалить катер, из мальчишек вытрясло остатки сдержанности, и оба хмуро сопели – не поднимали настроение даже мысли об удачной охоте. Болтанка была совершенно невыносимой, движок принялся угрожающе взвизгивать время от времени, и мальчишки смирились с мыслью, что семь километров надо будет топтать пешком, а потом возвращаться к катеру и чинить его.

– Вообще-то надо бы давно эти места мелиорировать, – сказал Витька, выскакивая на берег первым. Поскользнулся на траве и сел. – Ну твою ж мать, – уныло сказал он и махнул рукой.

Пошел дождь.

– Тебе что, земли мало? – Борька, поспешно пряча оружие в чехлы, метался по катеру. Витька не ответил.

Земли на Китеже хватало, что правда, то правда. Семьи Рокотовых и Галюшиных прибыли сюда с первой волной переселенцев почти четыре года назад. Десятилетний Борька был измотан непереносимыми для земного мальчишки тремя неделями полунеподвижности в чреве на скорую руку склепанного рейдера. Сейчас корабли проходили этот путь за шесть дней, но в те времена гипердвигатели были послабей, да и капитан осторожничал, как мог, – все-таки на нем были жизни одиннадцать тысяч человек, не считая команды! Мальчишка решил, что попал в рай, и на второй день убежал из лагеря просто потому, что обалдел от воздуха, океана, степи на юге и востоке и одного вида синеватой полоски леса на севере и западе. Нашли его через три дня, и то, как ему влетело тогда, Борька не любил вспоминать до сих пор. Что мальчишка остался жив, все сочли добрым предзнаменованием, и поселок, который группа колонистов начала строить на месте, где изловили Рокотова-младшего, назвали Доброй Надеждой.

До сих пор Добрая Надежда оправдывала свое имя. Жившие в лесу харг-каарт быстро познакомились и сошлись с землянами. Почва оказалась превосходным черноземом, в холмах на северо-востоке почти сразу нашли несколько речных каскадов, позволявших не возиться ни с каким сложным оборудованием. Когда строили ГЭСку, наткнулись на залежи самородной меди, а чуть позже – железной руды. Земные животные приспособились и к местным условиям, и к местным кормам, а здешняя фауна не таила никаких особых угроз (обитатели болот маха и еще пара тамошних хищников – не в счет), как и здешний микромир – этот вообще так и не смог ничего противопоставить иммунитету землян, автохтонные микробы, вирусы и споры дохли, едва попав в организм пришельцев. В общем, как сказал поселковый голова, склонный к стилизациям речи отец Витьки: «Место рыбой и травами обильно, пахотами и покосами сильно и велми глазу приятно». Не приживались земные деревья, и старшие нет-нет да и грустили по дубам, липам, ясеням родных мест. Но мальчишки и девчонки уже искренне считали планету своим домом, а родившиеся здесь мелкие и вовсе Землю видели лишь на стерео, березу воспринимали как полосатую экзотику, зато великолепно – и раньше взрослых – узнали, что невзрачные, похожие на сушеных гусениц стручки трехножки (это тонкое высококронное дерево смешно опиралось на три выступающих из земли корня) очень вкусные...

...Да, восемьсот человек, живших в Доброй Надежде, вполне могли считать себя счастливыми людьми. Но ни Борька, ни Витька сейчас так не думали. Витька наконец соизволил подняться, они вытащили из катера сумки с упакованной одеждой и обувью, чехлы с оружием, затянули суденышко тентом и полезли на береговой откос.

Дождь пошел сильнее, откос размок на глазах. Когда мальчишки – тяжело дыша, перепачканные красной глиной и страшно злые на все на свете, готовые просто начать кусаться – выбрались наверх, то первый, кого они увидели, был Олег.

Олег Полежаев появился тут два года назад – точнее, в двадцати километрах на восток появилось ранчо Полежаевых, где они выращивали коней. Сам Олег учился на Земле, в каком-то лицее, и сюда наведывался только на каникулы. Когда в начале позапрошлого лета мальчишка-дворянин появился на улицах Доброй Надежды впервые, то местным он «не показался». Слишком замкнутый, недружелюбный – наверное, он и в лицее был такой. Ребята попытались завести с ним дружбу, но он вежливо и оттого еще более обидно дал понять, что в компании не нуждается. Вообще.

Оскорбившаяся общественность решила не навязываться. Похоже, Олег был этим очень доволен. И позапрошлого лето, и прошлое, и начало нынешнего он время от времени попадался местным на глаза – то на реке, то в лесу, то в холмах, то в степи – всегда один и почти всегда верхом. С местными он дружелюбно здоровался, но не более того – и, как видно, на самом деле ни в какой компании не нуждался. Мальчишки из семей персонала латифундии, быстро став-

шие друзьями-соперниками поселковых во всех делах, подтвердили, что да, Олег Полежаев и там такой же, ни с кем дружбы не водит, и все тут.

На этот раз Олег был не верхом, а на курносой танкетке «Еж». Он сидел за рулем, закрытый изогнутым бронешитом, и напряженно смотрел в сторону берега, из-под которого шумно карабкались мальчишки. На сиденье рядом устроился, развернув спарку двадцатитрехмиллиметровых стволов, кто-то из взрослых егерей Полежаевых. И взрослый, и Олег были не только в форме, но и в легкой броне, лишь забрала шлемов с изображенными гербами Полежаевых – синий круглый щит с алым Андреевским крестом и золотой окантовкой – подняты. Увидев, что это всего лишь мальчишки, егерь что-то пробормотал и приподнял стволы, а Олег вскинул руку:

– Привет. Как охота?

– Удачно, – Борька не сдержался, похвастался: – Можно считать, что в брошенной деревне *маха* не осталось. Зато рыбу прикормили хорошо.

– Садитесь, подвезем до поселка, – кивнул Олег на танкетку. – Вы что, связь не включали?

– Какая связь? Вода со всех сторон хлещет! Да и зачем? Мы же сказали, куда едем, на сколько... – Витька запрыгнул в кузовок – там были сложены аккуратными штабельками уже вскрытые ящики со снаряженными лентами к спарке, у заднего борта в креплениях торчали шесть реактивных гранат, над ними угловато высилась автоматическая спарка старых зенитных ракет. – Вы что, воевать собрались? С кем? Надеюсь, не с нами из-за выпасов?

«Еж», урча двигателем и покачиваясь на широких гусеницах, мягко взял с места. Олег, не отрываясь от руля, включил коммуникатор.

– Чужими атакованы наши верфи у англосаксонской Луны-четыре, – сухо, совсем не по-мальчишески, сказал он. – Два часа назад генерал-губернатор объявил сбор ополчения. А четвертая армия, по моим сведениям, уже три дня как заняла позиции. Смотрите, это запись обращения...

Из сообщений СМИ Йэнно Мьюри о событиях в Нижнем Крае

Начало всегалактической войны

События в Нижнем Крае продолжают стремительно развиваться.

Как мы знаем, первая всегалактическая война началась с «вразумительного рейда» коалиции сторков, нэйкельцев и джаго на территорию Альянса Шэни.

Шэни потеряли свою первую станцию в системе GB-6X5. Объединенным флотом была полностью уничтожена верфь на орбите вокруг Брэссудзы, где с помощью землян строился военный флот.

Император Русской Империи официально заявил, что вступает за шэни. Через несколько часов с подобным заявлением выступил Император Англо-Саксонской Империи, и вскоре земной флот был замечен в системах коалиции.

Далее события начали развиваться самым стремительным образом. Многие системы, в которых находились земляне, подверглись массированному вторжению:

- система GB-6X5 – джаго, нэйкельцы, скиутты и сторки;
- система Брайта была атакована дайрисами и отрядами наемников;
- система Китежа была атакована сторками, джаго, дайрисами и отрядами наемников.

Во всех указанных случаях широко использовались на вербованные в принудительно-добровольном порядке отряды с различных подчиненных и полуподчиненных планет.

Нельзя сказать, что эта атака была неожиданной, однако ранее земляне никогда не вели войны такого масштаба на своей территории. Как результат, помощь шэни от землян была приостановлена (не факт, что она возобновится), и земляне ушли защищать свои системы.

В целом, война с шэни у коалиции более успешна, чем в системах землян. Хотя, конечно же, все воюющие несут солидные потери. Из действительно крупных – гибель линкора сторков от рук земной диверсионной группы. При этом сами земляне уже потеряли до десяти военных кораблей.

Серьезными неожиданностями для всех оказались демонстрация Землей четырех кораблей класса «авианосец» и вступивший в войну на стороне землян флот шэни (впрочем, в условиях отложенной помощи Земли шэни, видимо, удастся «привести к покорности»).

Следите за нашими обзорами, война обещает быть очень затяжной.

Судовые верфи землян прекратили свое существование

Конфликт между землянами и коалицией, словно холодная война, века назад раздиравшая Йэнно Мьюри на два противостоящих лагеря,

наконец-то получил логическое продолжение в активных боевых действиях. Силы коалиции нанесли более чем сокрушительный удар по огромной верфи землян. Верфь, замаскированная под добывающий комплекс в системе F-TE1T, прекратила свое существование. В атаке принимало участие беспрецедентное количество кораблей, и на эту битву, скажу я вам, надо было посмотреть. Некоторые наемники коалиции, вместо того, чтобы воевать, вообще «висели» невдалеке и вульгарно делали ставки. В ходе этой кампании потери обеих сторон достигли внушительных размеров, а в тот момент, когда верфь исчезла в облаке плазмы, к ее обломкам, словно стервятники, ринулись все, желающие немного поживиться.

Когда взрывы стихли, оказалось, что земляне потеряли станцию и верфь, ну и, естественно, в эллингах верфи сгорел (будем надеяться) весь строившийся на ней флот. В ходе этой кампании коалиция потеряла по меньшей мере сорок крупных боевых кораблей, а по информации из земных источников, более полусотни. Как бы там ни было, но пока эта битва поставила рекорд в нашей Галактике по количеству разово уничтоженных кораблей. В средствах массовой информации коалиция настаивала, что под маской производства харвестеров и фрейтеров коварные земляне производили постройку супердредноута, который, видимо, хотели назвать не иначе, как «Звезда Смерти». Если парни ввиду грандиозной попойки после победы ничего не напутали, то это – важнейший объект землян, который был вульгарно взорван.

Представитель Империи Сторкад признал, что существенные потери линейного флота все же ожидалось, но тут же заявил, что «целью было уничтожить верфь врага, и эта цель достигнута, а все остальное второстепенно». К сожалению, он отказался прокомментировать следующие шаги коалиции и заметил, так, между делом, что события, произошедшие на F-TE1T, должны сказать все сами за себя.

Нэйкельцы говорят о произошедшем так: «Обе стороны, словно предчувствуя знатную битву, были заранее готовы. Защита F-TE1T насчитывала около 150–200 вражеских кораблей. Все мыслимые и немыслимые препятствия нашему заходу в систему были приняты, но мы были готовы, и коварные планы врага с треском провалились. Невероятно, но единственный в системе гиперпространственный глушитель, который якобы, хотя кто его знает каким образом, должен был помешать флоту коалиции «впрыгнуть», даже не был включен. Сам по себе план был достаточно прост – прыгнуть, атаковать верфь, разрушить ее, а затем уйти. Тактика, в старинные времена именуемая «ударь и беги». Первая часть плана прошла как по маслу, не в последнюю очередь благодаря навыкам нашего личного состава и профессионализму наших командиров. Ну и, подводя итоги, можно сказать, что план был выполнен на «отлично», цель достигнута, а объект уничтожен. Все говорит о том, что на верфи строился очередной супердредноут, поэтому игра стоила свеч».

Капитан земного линкора Англо-Саксонской Империи «Эльфред Великий» со своей стороны ответил вот чем: «Без линейного флота коалиция оказалась поставлена на колени. Поезд налетел на каменную стену. Да, мы потеряли верфь, несомненно, ценную, но все же потери коалиции в этой битве не стоили того».

Как бы там ни было, но война продолжается, и ее неумолимые жернова продолжают перемалывать корабли и пилотов в мелких стычках и дерзких вылазках на территорию обеих сторон. Доподлинно неизвестно, действительно ли это сражение стало поворотным моментом в войне, однако уже понятно, что эта битва запомнится многим как знаменательный момент в истории.

Из архивов Регистрационной Палаты Йэнно Мьюри.

(Затребовано к изучению Главным Исполнительным Собранием в 205 г. Г. Э. по времени Земли)

Общие сведения.

5-й г. Экспансии / 1-й год Галактической войны

НАСЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ (людей; с колониями):

Русская Империя – 650 млн. чл. (+ 73 млн. в национальных автономиях) – 723 млн. чл.

Англо-Саксонская Империя – 509 млн. чл. (+ 87 млн. чл. в национальных автономиях)

– 596 млн. чл.

ВСЕГО: 1 млрд 319 млн. чл.

Объединенные вооруженные силы Земли

Сухопутные войска

(по мере необходимости части сводятся в бригады и дивизии)

	1-я армия	2-я армия	3-я армия	4-я армия	5-я армия	6-я армия	7-я армия	8-я армия	Резерв
Кирасиры (полки)	25 000	16 700	22 000	28 000	14 000	12 200	23 000	23 400	15 000
Драгуны (полки)	34 000	22 600	30 800	38 000	19 000	20 000	32 000	32 600	22 000
Гусары (полки)	5000	3000	4200	6100	2100	1800	4200	4400	2000
Уланы (полки)	10 000	7200	8800	14 000	6500	5000	8100	9000	7000
Спецназ (батальоны)	1200	700	1000	1500	500	500	1100	1100	500
Штурмовики (бригады)	34 000	28 000	32 000	36 000	22 000	21 200	34 500	32 800	21 300
Панцирная пехота (полки)	70 000	49 600	64 400	90 000	37 200	30 600	68 000	84 800	39 200
Гренадеры (полки)	82 000	53 000	75 600	90 500	47 800	34 200	76 000	77 500	48 000

	1-я армия	2-я армия	3-я армия	4-я армия	5-я армия	6-я армия	7-я армия	8-я армия	Резерв
Егеря (батальоны)	28 000	19 200	24 600	31 200	17 000	12 000	25 000	25 000	11 000
ВСЕГО ЧЕЛОВЕК	229 100	163 900	215 800	271 300	192 600	112 200	221 900	231 900	134 400
ВСЕГО:	2 164 500								
Танки	830	540	700	950	480	390	770	750	480 (+ 1400 на консервации)
Машины поддержки	3040	2400	2940	3400	2060	2020	3000	2980	1740 (+ 21 300 на консервации)
Орудия и установки поддержки	8200	5300	7560	9100	4500	3400	7600	7800	4500 (+ 8000 на консервации)
Вертолеты поддержки	2500	1500	2170	3100	1120	967	2230	2200	900 (+ 567 на консервации)
Транспортные вертолеты	720	430	675	817	256	208	700	722	212 (+ 560 на консервации)

УСЛОВНЫЕ НАЗВАНИЯ РОДОВ ВОЙСК:

– кирасиры: бронечасты, оснащенные тяжелыми танками прорыва и предназначенные для сокрушения обороны противника;

– драгуны:

а) мобильные часты, оснащенные машинами огневой поддержки и предназначенные для непосредственного взаимодействия с пехотой;

б) классическая кавалерия, входящая в состав охраны латифундий дворян-землевладельцев;

– гусары: мобильные часты разведки;

– уланы: мобильные часты, предназначенные для глубинных рейдов;

– спецназ;

– штурмовики: десантно-штурмовые часты;

– тяжелая (панцирная) пехота, предназначенная для активных боевых действий против высокотехнических войск любого противника;

– гренадеры: бойцы частей огневой поддержки – артиллерии, ракетных частей и т. д.;

– егеря:

а) легкая пехота;

б) пехотные отряды из состава охраны латифундий дворян-землевладельцев.

Военно-воздушные силы: 2 500 000 чл.

Боевые самолеты – 48 300 шт.

Боевые вертолеты – 28 800 шт.

Вспомогательные самолеты – 93 100 шт.

Вспомогательные вертолеты – 50 300 шт.

Военно-морские силы: 1 870 000 чл.

Боевые корабли – 780 шт.

Боевые катера – 3560 шт.

Вспомогательные суда – 2760 шт.

Отряды морской пехоты – 82 000 чл.

Боевые самолеты ВМС – 4300 шт.

Боевые вертолеты ВМС – 8800 шт.

Вспомогательные самолеты ВМС – 3500 шт.

Вспомогательные вертолеты ВМС – 10 600 шт.

Ополчение:

	Количество бойцов	Космические корабли	Машины поддержки	Самолеты	Вертолеты	Дирижабли	Суда и катера
ДОСАФ (Добровольное Общество Содействия Армии и Флоту) (Русская Империя) Включает молодежные пионерские отряды Юнармии	35 600 000	830	85 300	5600	17 900	960	6200
«Yomenгу» (Англо-Саксонская Империя) Включает молодежные скаутские отряды Рейдерз	27 000 000	1170	73 000	4300	23 000	840	8500
Боевые отряды гражданских корпусов	131 000 000	245	94 000	11 250	116 450	3370	11 000
Дворянские отряды	300 000	—	15 600	840	3200	97	102

Военно-космические силы – 4 112 000 чл.

Космические корабли

Флот	1	2	3	4	5	6	7	8	Охранные эскадры
Командующий	Адмирал Вячеслав Иванович Масальский	Адмирал Жюль Латур	Контр-адмирал Джулиан Смит-Смит Браун	Вице-адмирал Олег Анатольевич Шальгин	Контр-адмирал Отто фон Кауфман	Контр-адмирал Эндрю Питерс Каннынгхэм	Вице-адмирал Майкл Шэу Лэй-Дарри	Адмирал Тимоти Стью Толливер	—
Линкоры 70 шт.	12	10	8	8	7	9	11	5	—
Крейсера 234 шт.	40	33	28	28	75	25	29	29	22
Авианосцы 28 шт.	5	4	3	3	3	4	4	2	—
Рейдеры 44 шт.	7	5	3	4	3	6	7	2	12
Эсминцы 718 шт.	104	95	22	78	70	71	100	56	62
Фрегаты 933 шт.	184	137	103	102	98	93	142	74	—

Флот	1	2	3	4	5	6	7	8	Охранные эскадры
Корветы	—	—	—	—	—	—	—	—	429
Штурмовые мониторы 81 шт.	22	18	12	12	9	10	18	5	—
Истребители 5399 шт.	497	411	312	299	304	422	392	202	2560
Боевые терминалы	—	—	—	—	—	—	—	—	49
Вспомогательные корабли 871 шт.	74	68	56	55	51	61	70	42	394
Штурмовая пехота	12 300	10 800	9240	9500	8400	9700	11 260	4200	8800

КОРОТКО О ВОЕННОМ КОСМОСЕ:

Основное оружие кораблей – артиллерия и ракеты. С надежным энергетическим оружием земляне познакомятся близко только в ходе войны. Правда, для их противников тоже окажутся сюрпризами две вещи:

- применение артиллерии в космических боях (против снарядов, да и ракет зачастую, будут бессильны силовые поля);
- конструкция земных кораблей (она окажется намного более утилитарной и выгодной, чем у врагов).

Линкор – военный КК с экипажем до двухсот человек и длиной до трехсот метров. Основная задача линкоров – подавление сопротивления врага в космических боях, иногда – орбитальные удары.

Крейсер – военный КК с экипажем до ста человек и длиной до двухсот метров. Основная задача крейсеров – подавление сопротивления врага в космических боях, охрана конвоев и дальние рейды.

Авианосец – военный КК с экипажем до полутора тысяч человек и длиной до километра. Основная задача авианосцев – охрана конвоев и орбитальные удары (посредством истребителей).

Эсминец – военный КК с экипажем до семидесяти человек и длиной до полутораста метров. Основная задача эсминцев – охрана конвоев и орбит вокруг обитаемых планет.

Штурмовой монитор – военный КК с экипажем до ста человек, длиной до ста метров и мощным вооружением, предназначенным для «работы» по поверхностям планет, в сущности – тихоходная огневая батарея.

Фрегат – военный КК с экипажем до полусотни человек и длиной до ста метров. Основная задача фрегатов – охрана конвоев.

Корвет – военный КК с экипажем до тридцати человек и длиной до семидесяти метров. Основная задача корветов – охрана орбит обитаемых планет.

Истребитель – малоразмерный КК малого радиуса действия, базирующийся на авианосцах и терминалах-базах, с экипажем 2–3 человека. Основная задача истребителей – охрана конвоев (с авианосцев) и орбитальные удары, иногда – атаки КК врага в космических боях.

Рейдер: а) исследовательский корабль; б) легкий крейсер с усиленным вооружением.

Лайнер – комфортабельный КК для пассажирских перевозок.

Планетолет (шаттл (англ. – сакс.)) – общее название КК, не использующиеся для межзвездных перелетов. Могут быть самого разного назначения.

4. Разоренный очаг

Первый год Галактической войны

Дома, естественно, царил паника. Тихая, но отчетливая. Создавала ее мама Борьки, и причиной как раз Борька и был, точнее, его отсутствие. Высадившиеся на планету полчища Чужих уже, конечно, схватили и растерзали несчастного ребенка – скорее всего, именно с этой целью они и прибыли. Поэтому, когда Борька вошел домой, то был почти что сшиблен с ног и раздавлен – Чужие Чужими, а пока реальная опасность ему скорее грозила от собственной родительницы...

Остальные Рокотовы особого волнения не проявляли. Младшие брат с сестрой – восьмилетняя Ладка и пятилетний Тошка – приготовили к эвакуации игрушки и с интересом наблюдали за взрослыми. Одиннадцатилетний Вовка – сердитый, в полной пионерской форме – помогал вскрывать упаковки с разными военными мелочами. На его лице было написано: «Возьмите меня с собой!» – пополам с безнадежным пониманием нелепости оглашения этой просьбы. Бабушка Дина хладнокровно готовила и паковала в вакуум бутерброды, временами бурча, что мужики все бестолочи и что питаться бы им травкой с корой, если бы не бабы. Дед Семен – морщинистый, с коричневой почти кожей, похожий на лешего своими седыми патлами и бородами – со вкусом перечислял на обеденном столе (откуда бабуля в обычное время его бы шуганула с таким делом) «ПКМ» и сипло мурлыкал, как здоровенный кот: «Ой, при лужку, при лужке...». Дядя Саша и дядя Антон вместе с отцом уже примеряли разгрузки, обмениваясь негромкими советами-замечаниями. Жена дяди Саши тетя Нина помогала бабушке, их девятилетки-близняшки Никита и Наташа с серьезными лицами караулили коляску с полугодовалым Сенькой. Пятилетний сын дяди Антона Димка возился с журналами Борьки, пользуясь тем, что его мама, тетя Валя, ушивает какую-то матерчатую колбасу защитного цвета.

В общем, все были при деле, поэтому Борька очень смутился напору мамы и с трудом отбил. Но она, убедившись, что старший жив-здоров, обрела обычное хладнокровие и, отойдя к окну, выходящему в садик, стала передавать туда пластмассовые коробки с патронами. Оттуда доносилось возбужденное поскрипывание-пощелкивание, речь взволнованных харг-каарт. Борька, удивленно выглянув над локтем матери в окно, увидел, что снаружи их не меньше десятка. Старшенький дяди Антона, двенадцатилетний Ромка, тоже в пионерской форме и тоже насуспенный, раздавал им из вскрытого контейнера «АКС-74» и показывал, как их очищать от смазки и как с ними обращаться. Везде валялись куски ветоши и разодранные пластиковые упаковки. В дальнем углу сада старый знакомый шаман Безымянный с тремя помощниками, составив из родовых копий Священную Треногу, занимались серьезным делом – призывали духов молнии и грома на одоление супостатов. Выглядело это совсем не смешно, а сурово и трогательно.

– Как поохотился? – спросил отец как ни в чем не бывало.

– Нормально. – Борька продемонстрировал клыки и, подумав, бросил их в кухонный ящик. Потом разберусь, решил он. – Из штаба нашего не искали меня?

– Искали, – кивнул отец. – Не дергайся, никуда тебе бежать не надо. Решили, что вы по отдельности будете – связь, вестовые... Так что с нами останешься. Снаряжайся давай.

– Угу, – деловито кивнул Борька и вдруг поймал себя на том, что видит свои руки, ноги, всего себя, как бы со стороны и так же со стороны воспринимает свои мысли. И понял, что страшно волнуется. – Деееед, а карты чего тут?

– Ну, я их не звал, – пожал плечами дед Семен. – Пришли, полон поселок набили, кто с кем ближе из наших знаком, к тем и подвалили. Оружие им давай, потому как чужие придут, лес, воздух и воду испортят, и картам жизни не будет. Им так Безымянный сказал, а ему прям-

ком духи ночью нашептали. Вот и вооружаем со складов разной завалью. Не гнать же... Бабы, хватит еду переводить. Нас всего-то пятеро, а вы на Императорскую Гвардию наготовили.

– Молчал бы, пень старый, – вскинулась бабушка Дина. – Таскаешь свою тарахтелку и таскай, а кормить мы вас станем.

– Деееед, – протянул Вовка, преданно подавая снаряженную ленту. – Ну, деееед... скажи папке, чтобы меня взяли... я стрелять могу, я патроны... Дед, ну Борька всего на два года меня старше!!! – выложил он почти со слезами главный козырь.

– На три. – Борька вжикнул «молнией» извлеченной разгрузки.

Вовка глянул злыми глазами и замолк – взрослые на его просьбы вообще не реагировали. В окно всунулся ХРаРКх, один из лучших охотников соседей. Из накрест висящих кожаных сумок торчали несколько магазинов.

– Много снард больш снард дай дай! – застрекотал он.

– Переломись, – ответил добродушно дед Семен и лязгнул сошками.

ХРаРКх возмутился и пулеметно затрещал уже окончательно по-своему. Тетя Валя сунула ему упаковку патронов:

– Со всеми раздели!

Тот исчез в саду. Бабушка Дина отряхнула руки, придирчиво осмотрела запасы, кивнула:

– Ну вот... Теперь грузиться пойдем.

– Сама б тоже уезжала, – сказал дед Семен.

Бабушка хмыкнула:

– Вот еще. Стара я от разных чучел бегать. Да и не пустите вы их сюда, иначе что вы за мужики? А вы поедете! – повысила она голос на младших женщин, побросавших работу и наостривших уши. – Мои уже вымахали, а у вас еще растить и растить. И нечего тут спорить, и говорить не о чем. Точка... а ты, старый пень, – привычно-ласково обратилась она к собиравшемуся что-то сказать деду Семену, – за дверями вон будешь распоряжаться, а в доме – я хозяйка, ей и останусь.

– Ну, тогда сели, – не стал больше спорить с женой дед Семен. – Дорога вроде как и не дальняя, а...

Он не договорил, а Борька подумал, ошупью присаживаясь на какой-то ящик: «...а может навсегда увести – не вернешься».

В наступившей тишине Тошка, выдержав положенную паузу, звонко и с интересом сказал, оформив наконец-то какие-то свои мысли в слова:

– А у нас правда настоящая война, как в стерео?! Вот здорово!

* * *

В Доброй Надежде отряд ДОСАФ насчитывал 375 человек, из них 67 – юнармейцы-пионеры. В планах обороны планеты он значился как **7360** – «73-й батальон ополчения» – и имел своей задачей – в случае отсутствия каких-то конкретных распоряжений – просто-напросто оборону поселка от «текущей опасности». «Конкретным распоряжением» мог являться, например, приказ о призыве каких-то специалистов или людей, имеющих опыт регулярной службы, на доукомплектование армейских частей. Но на этот раз такого приказа не только не было – напротив, в поселок прибыла боевая группа майора (звание Объединенной Армии, о создании которой было только-только объявлено, звучало непривычно, в русской армии это был просто штабс-капитан...) Иванищева – три сотни драгун, панцирников и гренадеров с кое-какой техникой, в основном – зенитными установками. Голова Галюшин, отец Витьки, почти с облегчением сдал полномочия по обороне Доброй Надежды. Два десятка драгун и егерей прибыли с латифундии Полежаева под командой Олега. Его отец решил оборонять жилой комплекс латифундии, а сына послал на помощь соседям.

У 7360 имелась и кое-какая своя техника – и наземная, и стволы поддержки, и даже авиационная. Майор Иванищев, впрочем, был обеспокоен. Он и не пытался скрывать от жителей, что Чужие, несомненно, нацелятся с высадкой на район столицы – с его складами, космодромом и вообще. Но там развернута отличная наземная ПКО, поэтому не исключено – и даже точно, – что Чужие, получив отпор, начнут высадку по принципу «кто где может», а оттуда пойдут на столицу по земле. В этом случае Добрая Надежда, расположенная на краю леса и степи, становилась одной из первоочередных мишеней...

Ту ночь, проведенную на позициях, Борька помнил потом всю жизнь. Спать он не мог, сидел в траншее, глядя в небо, и – думал. Пытался как-то уложить в сознании мысль о войне. Мысль не укладывалась, вставала колом и ежом. Война – это было что-то далекое. Даже когда во время первого контакта случилось кровавое недоразумение со сторками – земляне решили, что это была просто чудовищная ошибка, тем более что и сторки горячо в этом всех убеждали, а Галактика и правда была вовсе не тихим местом... Какая война? Зачем напали на землян? Борьку мало интересовала политика, он мог, конечно, рассказать кое-что о взаимоотношениях рас, но... зачем? Неужели из-за того, что Земля несколько раз заступалась за другие расы? Но это же так понятно! Никто в школе уяснить не мог, почему себя так ведут люд... ну, существа с древней историей и высокой техникой – какая им радость давить и терзать других и почему они **так** возмущаются, если земляне вступаются за слабых?

«Не нужно было, – вдруг мелькнула мысль. – Не лезли бы мы – нас бы и не тронули. И не было бы этой войны».

Но тут же Борька ощутил, как щеки вспыхнули от стыда. Это же подлость! Все равно как если бы шел он и увидел, как обижают маленького. Пусть чужого, пусть кто-то совсем незнакомый – все равно ведь, если не вступишься, то будешь... да нет – что «будешь»? – Борька просто не мог представить себе такого.

И все-таки было дико и нелепо думать: утром, всего лишь утром он просто жил. Жил и жил. И вдруг – какая-то война! Кому она нужна?! Зачем?! За что напали?! Ведь это так просто – вода под ногами, небо, весело, друг рядом... А что же, выходит, в это время кто-то уже высчитал, как напасть на их планету? Уже напал на другие колонии Земли? Убивал? Но как так можно?! Дикость, глупость... Борька с Витькой охотились, планета жила, где-то родился ребенок... а где-то еще уже горело и рушилось? Да почему?!?!?!

Мальчишка яростно замотал головой и вздохнул. Стало неудобно, тяжело на душе. Дом был совсем близко, и временами Борьке очень хотелось убежать туда со всех ног – накатывала уверенность, что туда не достанет никакая беда. А потом – через секунду – дом начинал казаться уже невероятно далеким, и Борька невольно оборачивался, чтобы найти в полусумраке здешней ночи знакомый силуэт без огней. Бабушка там – что она делает? Спит? Вряд ли. Сидит у окна без света? Наверное... А он – как будто на другой планете... А если его убьют?! Он умрет, и что тогда?

В окоп соскочил человек. Борька дернулся, но тут же увидел, что это Олег. Дворянин был в легкой броне, с пулеметом на ремне, забрало шлема поднято.

– А, это ты, Борис... – сказал он, приваливаясь к стенке окопа, укрепленной решетчатой бронеплитой. Добавил неожиданно: – Хожу и думаю: коней-то отец приказал отогнать или нет? У нас такие табунищи... да ты и сам видел, наверное.

Борька не знал, что сказать. Просто смотрел на ровесника-дворянина. Олег был спокойный, бесшумный, и Борька ощутил себя вдруг каким-то угловатым и неуместным здесь вообще. Пришла неожиданная зависть. Дворяне – что? *Дворяне есть сословие воинское*, как записано в «Русской Правде»... Был бы он, Борька, дворянином – не путался бы в мыслях, желаниях и страхах. Наверное, у Олега все просто и понятно... И ответы на вопросы он знает – «за что?», «почему?» И не боится.

– И книжку я на кровати оставил... – задумчиво продолжал Олег. – Старая, раритет бумажный... Не дочитал-то всего три страницы.

– Какая книжка? – спросил Борька. – В смысле, про что?

– Власова, «Путь менестреля». Я ее на Земле нашел во время похода... в одном подвале... Интересная. Сказка фантастическая. Хожу и думаю, чем кончилась... Смешно.

– Олег, – вдруг вырвалось у Борьки.

– А?

– Олег... зачем они напали?

Дворянин оттолкнулся плечами – излишне широкими из-за граненых наплечников – от стенки. Подумал. Потом спросил серьезно:

– Тебе соврать или правду сказать?

– Правду, конечно, – невольно улыбнулся Борька.

Олег ответил улыбкой:

– Ну вот тебе правда: *я не знаю*. Вернее – я не понимаю. Умом не понимаю. Я сегодня то же самое спросил у отца.

– И? – быстро спросил Борька.

Олег понизил голос:

– *Потому что они мудаки*. Это его дословный ответ.

И – ловко выскочил из окопа. Пропал в темноте, оставив Борьку с ошарашенной глупой улыбкой. А еще через секунду Борька вдруг понял, что это – правда. Как еще назвать того, кто обижает слабого? Кто толпой нападает на человека, вступившегося за этого слабого? Нападает из-за угла?

Мудаки. И нечего тут.

Он удовлетворенно рассмеялся и уже собрался все-таки заставить себя вздремнуть, но услышал, как неподалеку поют. Песня была – кто ее пел, Борька не понял, может, это пел и не поселковый, а кто-то из солдат – старая, не во всем даже понятная. Но какая-то очень *ладная*. Как раз к ситуации.

Непомерно высокий трон...
Непомерно надменный хан.
Весь в рубинах кровавых он
И от власти над гостем пьян.
Сеют ужас и взгляд, и жест,
Холодеют рабы у ног...
«Рус крещеный, поплюй на крест —
Пусть порадуется наш бог!»
Рус кривит, усмехаясь, рот —
Негодует безмолвно так...
«Плюнь на веру, на свой народ?
Ишь, чего захотел, варнак!
Хочешь душу еще в казну?!
Видно, мало казны золотой?!
Ну, а как я в глаза взгляну
Ладе, людям, Руси Святой?»
– Раззолоченный, мерзкий тать!
Мнишь, мне твой халат по плечу?
А ведь я не могу петлять —

Даже если я жить хочу...⁵

«А ведь я не могу петлять – даже если я жить хочу», – подумал Борька.
И стало легко. Совсем легко...

...Олег стоял на откосе холма, опираясь на пулемет. Смотрел в ту сторону, откуда придет – он ощущал это – враг. Так тысячу раз стояли его предки. Тысячу, тысячи раз – стояли в ночи и ждали, зная, что будет бой. Это было на одной-единственной маленькой планете, где решались судьбы всего лишь нескольких народов. До этих судеб не было дела Галактике.

Сейчас? Юный дворянин поднял лицо к небу. Сузил глаза. Нет, сейчас – иное. Может, так ему лишь кажется, но, похоже, грядущая война решит судьбу этой самой Галактики. Когда что-то *кажется* – надо слушать внимательно...

Он опустил лицо.

– Идите сюда, – сказал мальчик. – Идите и умрите все. Имя нам Огонь. Идите в наш огонь, и пусть костер горит ярче, пусть пожар сожрет то, что было вашим «порядком», – пусть... Отец, удачи тебе желает твой сын. Не посралим памяти предков и сделаем то, для чего рождены и выращены.

Удачи тебе, Олежка, – шевельнулось не словами – ощущением в душе.

* * *

Чужаки атаковали поселок не на рассвете, а прямо посреди белого дня, когда об их приближении защитников уже оповестили по связи – впрочем, заморачиваться со внезапностью Чужим смысла особого не было, характерный шипящий вой плазменных двигателей штурмовых челноков мог бы поднять и мертвого. Рой непонятно откуда взявшихся машин Чужих – нелепых, похожих на ящики с кое-как приделанными крыльями – брал поселок в плотное кольцо. Чужие явно боялись, чтобы никто из землян не ушел.

Как оказалось, бояться им надо было совершенно иного. Навстречу челнокам взвились короткие стрелы ракет. Пилоты Чужих – по крайней мере, некоторые из них – попытались маневрировать, но дистанция была уже слишком малой, а оружие, как видно, непривычным. Десятки челноков сразу превратились в огненные шары, словно наткнувшись на невидимую стену. Едва ли не каждая ракета попала в цель. Борьку ударил по ушам многократно повторенный грохот, огненные шары вывернулись наизнанку и погасли, протянув к земле длинные дымные щупальца падающих обломков. Те, кому повезло уцелеть, отворачивали и на минимальной высоте тянули куда-то за ближайший лес, решив, очевидно, не связываться с земной ПВО.

На несколько секунд в Надежде воцарилась тишина – люди сами не могли поверить, что первую атаку так пугавших всех Чужих удалось отразить столь легко и быстро, – потом началась... нет, не паника, конечно, а расчетливая, деловая суета.

Несмотря на свой внешне мирный вид, поселок колонистов мог много чем удивить незваных гостей. Начать с того, что почти все дома в нем были на каменных фундаментах, а узенькие оконца в полуподвалах ну очень походили на амбразуры. В каждом доме было оружие – и не только привычное охотничье, но и самое настоящее боевое, причем владеть им, так или иначе, умели все. Под несколькими совершенно неприметными с виду домиками скрывались настоящие бункеры – с железобетонными перекрытиями, с фильтрами, способными задержать любой отравляющий газ, – никаких иллюзий насчет благородства противника у землян давно не было, все слишком хорошо помнили времена Серых Войн и усвоили данные о Чужих, за последние три года доставленные разведчиками. О таких мелочах, как окружавший поселок

⁵ Стихи Андрея Селиванова.

двойной забор из стальной сетки и натканные повсюду вокруг него датчики, не стоило и говорить – врага они остановить не могли, но от визитов любопытной местной живности помогали отменно. Сейчас же, с приходом профессиональных военных – с ракетными установками, с дюжиной боевых машин, – поселок мгновенно превратился в настоящую крепость.

Борька, как ни странно, был одновременно разочарован и напуган. Разочарован, естественно, тем, как быстро все закончилось и что ему не довелось участвовать в потехе. Умом он понимал, что за этой неожиданной быстротой стоят десятки лет самоотверженной работы земных конструкторов и годы не менее упорной учебы тех, кто применял их технику по назначению, но сердцу-то не прикажешь, оно рвалось в бой и требовало покарать наглых пришельцев по старинке – чуть ли не зубами порвать, а лучше перестрелять их всех, так эффективней и надежней...

Но при всем при том мальчишке было страшно. В свои годы он не так уж хорошо разбирался в военном деле, но самые основы уже знал и понимал, что прикрытую надежной ПВО позицию – их поселок, в данном случае – положено давить танками или просто разбивать в пыль артиллерией, а смотреть, как все, построенное здесь за четыре года, превращается в эту самую пыль, ему ну совершенно не хотелось.

На какое-то время – примерно на полчаса – установилось затишье. Враг вовсе не отказался от своих намерений – челноки заходили на цель волна за волной, но теперь они опускались за лесом, вне зоны досягаемости ракет.

Борька заметил, как несколько крохотных – по два-три человека – группок егерей канули в этом самом лесу – разведка на войне дело самое первейшее. Враг, силы и намерения которого известны, – это уже не враг, а материал, который понятно как бить. Мальчишке тоже хотелось пойти с ними – и не в разведку, а в самую настоящую атаку – такого враги уж точно не ожидали! – однако ускользнуть от внимательного взора отца, хорошо знавшего авантюрные наклонности отпрыска, было совершенно нереально. Юнармейцы-пионеры были рассеяны среди взрослых защитников, среди родни: действовать отдельным отрядом им не разрешили, хоть они и были к этому подготовлены. Именно потому, что рисковать не стоило – мало ли, что придет в голову мальчишкам, да еще разгоряченным видом падающих машин врага...

...Вторая атака Чужих тоже не стала неожиданной – по крайней мере, прежде, чем в воздухе завывали мины, зазвучала сирена – и все, кто еще не был в окопах или укрытиях, успели спрятаться. Стреляли Чужие неточно – по квадратам, как говорится, – но все равно даже в окопе было очень страшно. От прямого попадания мины окоп не поможет – а сидеть и ждать, когда тебе на голову грохнется смертоносный «гостинец», изготовленный бог весть на какой планете каким-нибудь затурканным рабом, было слишком тошно.

Какого калибра мины, мальчишка, разумеется, не знал, но взрывались они гулко и мощно, земля под ногами подскакивала, а воздух больно бил не только по ушам, а по всему телу. Над головой то и дело противно визжали осколки, так что высовываться особо не хотелось. Тем не менее мальчишка высунулся – на пару секунд, пока железная рука дяди Антона не утянула его вниз.

– Сиди, береги уши!

Борька успел заметить, как от прямого попадания мины взлетела крыша соседнего дома. Несколько домов уже горели – не слишком, надо сказать, жарко, выпуская лениво клубившийся белесый дым.

Мальчишка ощутил, как откуда-то из глубины души поднимается почти незнакомое ему доселе, темное, страшное чувство: **НЕНАВИСТЬ**. Все ночные раздумья и сомнения отступили – их сменила ненависть к этим вот незванным гостям, спокойно и равнодушно уничтожавшим весь его мир. К ненависти примешивалось оставшееся с ночи недоуменное удивление – зачем, кому помешал маленький переселенческий поселок? За что их всех приговорили к смерти? А в том, что Чужие явились сюда просто убить всех землян, сомнений не оставалось – прорвав-

шаяся к планете разномастная эскадра не предъявила землянам никаких требований, а запущенные ею штурмовые челноки сразу же принялись палить из плазменных орудий и швырять бомбы... И, должно быть, не только здесь!

Ненависть к незванным гостям испытывал, как оказалось, не он один. Когда по цепи окопов покатилося предупреждение о появлении врага, в нем звучал не страх, нет – в нем звучал едва сдержанный, нетерпеливый *гнев*.

Вновь осторожно высунув голову из окопа, мальчишка, наконец, заметил врага – крохотные пока что темные фигурки. Борька приложил к глазам одолженный у дяди Антона бинокль – сейчас так делали многие, стараясь понять, с кем свело их недоброе военное счастье.

В первый миг мальчишке показалось, что на него движутся... орки из известной всем старинной книжки «Властелин колец» – закованные в черное железо, гориллоподобные фигуры в шипастых шлемах. Лица – темнокожие, с вывернутыми ноздрями – были тоже самые что ни на есть орочи, вот только в руках эти уроды держали, увы, не ятаганы, а незнакомое Борьке оружие с короткими и толстыми стволами – должно быть, знаменитые плазмометы. Было их очень много – наверное, тысячи, двигались они с равномерной, безжалостной неторопливостью, явно рассчитанной на психологический эффект.

Вот только землян напугать было трудно – там и сям захлопали снайперские винтовки, и враги начали падать, словно марионетки с обрезанными нитями. В поселке очень многие умели отлично стрелять из оптики и промаха не давали. В каком-то смысле защитникам поселка повезло – на них вышли не почти неуязвимые для обычных пуль дайрисы, не нэйкельцы, привыкшие давить врагов огнем своей жуткой биомеханической техники, не страшные своей неотступной методичностью и холодной отвагой сторки, даже не свирепые наемники-скиутты, почти непобедимые в рукопашном бою, – на них вышли джаго, славные в Галактике лишь своим умением давить врага количеством. Но в другом смысле – не повезло, нет. Скиутты и даже сторки могли бы пощадить хотя бы женщин и детей, у них было свое понятие Чести. Джаго тоже пощадил бы их, но совершенно с другой целью. Кое-что Борька проходил в школе, кое о чем ему с гневом и презрением говорил отец, и мальчишка понимал, что попадать в плен к джаго живыми нельзя. Мертвыми тоже нежелательно – эти твари ели убитых ими, надеясь, что их сила перейдет к ним. Для землянина такое звучало дико, но большинство джаго – озлобленных, не получавших почти никакого образования – были самыми настоящими дикарями, пушечным мясом не только для своих более продвинутых союзников, но даже и для собственных безжалостных и грозных владык. Боевых машин у них, к счастью, не было – они не вошли бы в обычные челноки, – но в задних рядах строя там и сям виднелись гротескные, похожие на трехногие шагающие колоды, фигуры киберстрелков.

Джаго, впрочем, не собирались терпеть устроенное им землянами избиение – по их рядам покатилося нарастающий гортанный ор, – и они черной волной побежали в атаку. Киберстрелки присели, растопырив упоры и поводя короткими стволами мортир, и от них к позициям землян потянулись ровные белые полосы. Казалось, что перед самым носом мальчишки вспух шар чисто белого пламени, ударная волна, как молот, долбанула ему в лицо, отбросила на заднюю стенку окопа... и сознание Борьки просто отключилось...

...В себя он пришел тоже резко – словно включили свет. Он стоял возле разбитого сарая, сжимая в руке какой-то чужой, зазубренный тесак, весь буро-коричневый от запекшейся крови. Левый рукав тоже был весь в крови, какая-то незнакомая девчонка торопливо разрезала его, почти непрерывно ругаясь. Окружающий мир обрушился на очнувшегося мальчишку.

Мир был черным. Черное от дыма небо, черная земля, усыпанная черными трупами, – среди них, лениво дымя, догорали какие-то искореженные машины. Вокруг были только разбитые вдребезги, жарко полыхающие развалины, среди которых как-то бессмысленно бродили люди. Джаго нигде видно не было. Борька понял, что это окраина их поселка и что они победили, но эта мысль прошла как бы в стороне от сознания – пока он мало что соображал, вос-

поминания прорывались в сознание толчками, словно кровь, хлещущая из глубокой раны. Отец, почти беспрерывно палящий из пулемета и орудий что-то, неслышное в царящем вокруг диком грохоте... дядя Антон, спокойно и методично бьющий куда-то из гранатомета... дед, с руганью принимающий из рук распластавшегося по брустверу подползшего Вовки цинк с патронами... страшные, орудие темные фигуры... бьющийся в руках автомат, ровная строчка пробоин, весело бегущая по черному шипастому нагруднику... странно, но Борька никак не мог вспомнить лица... злые дружные стайки харг-каарт, как-то быстро-деловито облепляющие великанов-джаго и бешено бьющие своими короткими охотничьими клинками в лица, в каждую щель в броне... раскоряченная туша киберстрелка – не рассчитанная на ближний бой машина упорно отступала, стараясь поймать землянина в радиус действия своей мортиры – и он, он сам, Борька, так же упрямо идущий вперед, дико вопящий: «А ну, стой, курррваааа!!!» – и поливающий бронированную тушу огнем «абакана», перезаряжая его снова и снова, пока броня таки не поддалась и страшная туша не рухнула, подергиваясь в электрических конвульсиях... Куда делся «абакан» потом, он вспомнить не мог начисто...

Борька удивленно помотал головой и вновь посмотрел на тесак. Неужели это все – он? Простой, ничем не примечательный пионер? Быть такого не может... однако же – есть. Мысль о том, что началась война и он на войне и вокруг война, по-прежнему казалась какой-то кривой, нелепой, неприемлемой. Она не помещалась в мозг.

Он терпеливо дождался, пока девчонка закончит перевязку, и побрел по разрушенной окраине среди складов и хранилищ, надеясь отыскать кого-то из своих.

* * *

К невероятной радости мальчишки, никто из его семьи не погиб – хотя убитых среди ополченцев насчитали целых двадцать семь человек, а еще семьдесят девять получили ранения. Трупам джаго были завалены все окрестности, их невозможно было сосчитать, хотя кое-кто честно пробовал и сбивался всякий раз, а из раненых землян половина оставалась в строю. Но остальных пришлось эвакуировать в Трезубец. Среди них оказался и дядя Антон – разорвавшаяся рядом мина осыпала его осколками. Большую их часть задержала броня, но и оставшегося хватило, чтобы отправить его в столичный госпиталь. Борька принял это неожиданно спокойно – правду говоря, он сам еще не вполне отошел после контузии и воспринимал мир, словно в тумане.

Отпраздновать победу жители Новой Надежды не успели – в ответ на донесение о ней пришел строжайший приказ губернатора об эвакуации всего мирного населения: к джаго присоединились скиутты и нэйкельцы, а делать рядом с ними женщинам и детям было ну совершенно нечего.

Отцу Борьки пришлось выдержать еще одну битву – дед Семен и бабушка Дина категорически отказывались уезжать, переубедил их только личный приказ майора Иванищева, сообщившего, что для обеспечения эвакуации ему разрешено применять силу. И ему пришлось ее применить, чтобы вывезти из поселка всех мальчишек младше тринадцати лет – о том, чтобы вывезти тех, кто постарше, не учиня настоящей гражданской войны, не могло быть и речи. Сейчас поселок опустел – в нем остались лишь военные и ополченцы, которые готовились дать бой уже нэйкельцам. Остановить их тут было невозможно, и приказ губернатора предписывал отступать, нанося противнику как можно большие потери. Борька не сомневался в победе – вот еще! – но все же оставлять поселок, зная, что он почти наверняка будет стерт с лица земли, ему ну совершенно не хотелось. Умом он понимал, что дома можно отстроить, а вот убитых уже не вернуть. Но сердце не желало слушать, оно буквально кипело от гнева, и даже воспоминания об убитых его рукой джаго не успокаивали его. Борька знал, что и не успокоится, пока

все захватчики не лягут в землю. Если бы хоть один из них ушел живым, он бы воспринял это как личное оскорбление. И знал, что все вокруг думают точно так же.

Эвакуированный поселок как-то сразу стал совершенно безжизненным, ненастоящим, словно военный полигон. От этого впечатления, как ни странно, стало легче на душе – теперь не за кого было бояться. И это же впечатление еще усиливалось видом открытых повсюду окопов – майор Иванищев распорядился готовить запасные позиции в дополнение к уже готовым. Пока они окапывались, окончательно стемнело, взошла полная Червоная, и в кровавом свете ее низко висящего огромного диска мир окончательно принял какой-то сюрреалистический вид. Ни один фонарь, ни одно окно не горели, и все вокруг состояло из призрачных полос света и непроглядных теней, плавающих в призрачном кровавом мареве – отчасти порожденном луной, отчасти – трепещущими за крышами отблесками далеких пожаров. Жара после заката не спала, и Борька словно плыл в густом, остро пахнущем гарью воздухе.

Как-то вдруг все шевеление прекратилось – все разошлись по позициям и затаились. Перед сидевшим в окопе Борькой лежал обширный темный луг – сплошное море высокой, волнующейся травы, – а за ним поднималась темная, неровная полоса леса. Где-то там мерцали странные огни – то ли свет чужих фар, то ли еще что-то, непонятное. За толщей теплого воздуха они мерцали, словно звезды. Настоящих звезд видно не было – затянувшая небо мутная хмарь едва тлела в падавшем снизу тусклом свете пожарищ. К горизонту она окончательно темнела, переходя в неразличимый мрак, и, глядя на этот тусклый свет, Борька невольно подумал, что они, возможно, единственные люди, оставшиеся в глубине этой душной бесконечной ночи, в этом тусклом мире.

Мальчишка еще терялся в догадках, стараясь понять, что происходит, когда бесшумная белая вспышка мгновенно заполнила все небо. Секунды через три свет стал багровым, замерцал и погас. Борька словно ослеп – наступила крошечная темнота, не было видно ни одного огня, даже вдалеке, только в ослепленных глазах плавали призрачные разноцветные пятна. Еще секунд через пять по ушам ударил тугой грохот, а через полминуты налетел яростный порыв неожиданного холодного ветра. Загремело железо на крышах, затрещали сломанные ветки, и Борька с удивлением ощутил, как на коже тают редкие снежинки. Потом все затихло. Тишина была такой же непроницаемой, как и мрак, – глухой и ватной. Температура упала сразу градусов на двадцать, и мальчишку пробил озноб. Вытянув вперед руки, он прикоснулся к перебравшемуся ближе Витьке и порывисто сжал его ладонь. Грохнуло в стороне врагов – похоже, на них сбросили электромагнитную бомбу, потому что и связь, и даже ночные прицелы отрубались намертво.

Какое-то время они всматривались в темноту, невольно прижавшись друг к другу. Сердце Борьки бешено колотилось. В темноте он чувствовал себя совершенно беспомощным, понимая, что стрелять наугад они не смогут.

Непонятно почему, ему стало вдруг жутко, а уши понемногу начали улавливать звуки, которые он принял бы за шум моря, если бы не отчетливо различимый топот. Тяжелые, тяжелые, очень ТЯЖЕЛЫЕ шаги – ТАК не могут шагать не то что люди, а даже и слоны. Сердце Борьки замерло от страха, и в этот миг мир залил ослепительный свет. Запущенные из поселка осветительные мины с негромкими хлопками повисли над лугом, и мальчишка увидел...

Вначале ему показалось, что кто-то построил вдоль леса ряд треногих водонапорных вышек, но эти штуки ДВИГАЛИСЬ. Двигались сюда, к ним.

Прикинув к оптике прицела, Борька рассмотрел одно такое существо. Удивительно изящное при своих громадных размерах, оно напоминало треногого рыжего паука на длинных тонких ногах. Вот только «паук» был этажей пять в высоту, не меньше... Под брюхом у странного, явно биомеханического существа болталось устройство, в котором без труда угадывалась плазменная пушка. Мальчишка узнал нэйкельский боевой шагатель, а за ним быстро перебежали туда и сюда затянутые в гибкую легкую броню фигуры, удивительно похожие на

волков-оборотней из земных легенд – скиутты. Рядом с шагателями они казались небольшими, но Борька знал, что на самом деле рост их далеко за два метра, а весили они килограммов по сто пятьдесят, и вовсе не за счет жира. Скиутты двигались со звериной ловкостью, постоянно бросаясь то вправо, то влево, чтобы в них труднее было попасть. Это не придурки-джаго, способные лишь толпой бежать в атаку, стараясь диким ором заглушить собственный страх. Это – настоящие бойцы, и справиться с ними будет ох как непросто... До земных позиций донеслось дружное «йорр, йорр, йоррууууу!» атакующих скиуттов, свирепое и ликующее. В нем была откровенная жажда драки...

Понятно, что ждать, пока враги подойдут вплотную, земляне не собирались, – там и тут захлопали снайперки, затрещали пулеметы, к шагателям потянулись огненные стрелы ракет, оставляя за собой идеально ровные, словно по линейке проведенные хвосты...

Но нэйкельцы были одной из самых древних рас – их цивилизация насчитывала уже больше восьми тысяч лет, и воевать за это время они научились. Шагатели с невероятной быстротой уворачивались от ракет, приседая на широко расставленных лапах к самой земле и раскачиваясь, словно гигантские маятники. Увернуться удавалось не всем, нокумулятивных зарядов у землян не было, а термобарические эту заразу не брали – шагатели отшатывались от их взрывов, качались, кренились, но – суки! – не падали. Их броня из природной керамики и естественного углеродного волокна оказалась невероятно прочной. Пули и даже снаряды автоматических пушек боевых машин ее не брали – резко наклоня корпус, шагатели подставляли под огонь выпуклые спинные щиты и стреляли в ответ. Очереди плазменных импульсов забились над головами людей, снося и поджигая один дом за другим.

Укрыться в окопах от огня этих шагающих вышек было невозможно. Было ясно, что поселок пал, и отступление началось везде и одновременно, ополченцы разбежались по дворам, стреляя назад. Солдаты прикрывали отступление; майор Иванищев отдал последний приказ – самостоятельно добираться до столицы. Мальчишкам оставалось лишь присоединиться к отступающим. Да, шагатели тоже были уязвимы – нескольких попаданий земных ракет не выдерживал даже их панцирь, – но на стрельбу в свою сторону они тут же отвечали океаном огня и стреляли, к сожалению, очень точно.

Прыгая, как зайцы, под градом плазменных импульсов, мальчишки сразу потеряли своих. Спасаясь от огня, они свернули в узкий переулок, потом в другой, выходящий на улицу, но оказалось, что он перегорожен в конце колючей проволокой. Сбоку был чей-то амбар – с глухими кирпичными стенами и железной дверью, – и мальчишки укрылись в его душной темноте, замерли, настороженно прислушиваясь к доносившейся снаружи стрельбе и глухим взрывам. Потом взрыв раздался совсем рядом с ними – пол больно ударил по ногам, и часть толстой стены рухнула, открывая роскошный вид на улицу, окруженную развалинами и освещенную светом пожаров.

Не дожидаясь, когда сюда выстрелят еще раз, Витька прямо по завалу скатился на улицу. Борьке оставалось лишь следовать за ним. Огибая пожарища, они побежали к околице, но путь им преградила вышедшая из-за угла чудовищная рыжая фигура шагателя. Витька, казалось, не замечая ее, продолжал бежать вперед.

Вначале Борька решил, что его друг сошел с ума, но потом заметил впереди подбитую танкетку, полусасыпанную обрушившейся стеной. Кузов влажно блестел от крови, в нем лежали три изуродованных трупа, но установленный на турели древнющий 14,5-миллиметровый КПВТ оказался совершенно целым. Витька быстро отстегнул пустую коробку, раскидав обломки, с натугой вытащил стозарядную ленту из полной, примкнул ее и сноровисто зарядил оружие. Шагатель уже почти нависал над ними – до него оставалось всего метров двадцать, – когда Витька с трудом развернул громадный, в человеческой рост, шестидесятикилограммовый пулемет и, наконец, нажал на спуск. КПВТ с радостным ревом выплюнул полуметровый факел желто-рыжего огня. Сверхмощные 14,5×110-миллиметровые патроны позволяли ему за

пару километров поражать БТР и вертолеты, а теперь он бил почти в упор. Лента была снаряжена, как положено – на два разрывных патрона один бронебойный, – и они влетали в корпус шагателя со скоростью десять пуль в секунду. От брони летели искры, но толку видно не было – машина развернулась и направила на них дуло плазменной пушки. От испуга оно показалось Борьке величиной с дуб.

Витька опустил пулемет, направляя огонь в незащищенное броней брюхо, и Борька, наконец, увидел, как из него фонтанами брызнули ошметки. Потеряв управление, машина опрокинулась назад так, что танкетка под ними подпрыгнула, а улицу заволокла пыль. Огибая чудовищную тушу, они нырнули в пылевую завесу, направляясь к околице. Борька успел вытащить из-под трупов автомат и сейчас на бегу разглядывал его. Это оказался снова «абакан» – такой же, как брошенный им на позиции, с пятидесятизарядным коробчатым магазином, двукратным оптическим прицелом и подствольным гранатометом, сейчас, правда, пустым. Оружие пригодилось почти сразу – из пыли на них выбежало что-то дико ревущее, бурое, высотой метра в два, и Борька, не глядя, вlepил в него длинную очередь. Оглушенного пехотинца-скиутта сбilo с ног – и он с воем, в котором смешались изумление, гнев и боль, покотился по земле.

К счастью, до леса оставалось не так уж далеко – не больше километра. Миновав ограду поселка, они наискось пересекли еще один луг и, обогнув старицу, выбежали к лесу. Он венчал древний речной обрыв высотой в трехэтажный дом – с разбега Борька взлетел метра на два, выронил только что найденный автомат, потом ему пришлось взбираться наверх на четвереньках, скользя по траве. Добравшись, наконец, до гребня, он был весь мокрый и дышал, как загнанная лошадь. Сил бежать дальше пока не было – он плюхнулся на землю, переводя дух и одновременно осматриваясь.

На фоне горящих развалин поселка виднелось несколько огромных черных машин – они, казалось, не продвигались вперед, паля во все стороны из плазменных пушек. В начале атаки их было гораздо больше – где-то десятка два, – но остальные куда-то исчезли. Похоже, победа далась чужакам дорого – электромагнитная бомба прикончила их оснащенную хитроумными прицелами артиллерию, а в ближнем бою огонь земных гранатометов и орудий оказался опасным даже для шагателей.

Борька подумал, что обрыв будет непреодолим для врага – по крайней мере, на какое-то время, – и пока чувствовал себя в безопасности. Вокруг, кроме них двоих, уже не было видно ни души. Низко над головой плыли тяжелые, мутно-рыжие тучи – казалось, что вот-вот хлынет ливень. Воздух был теплый и тяжелый. Ветер дул с запада, и Борька едва не задыхался от тяжелой дымной гари.

К счастью, они знали, куда идти.

5. Отпор

Первый год Галактической войны

Мальчишки шли всю ночь, ориентируясь лишь по компасу, – губернатор приказал отходить к столице, и они решили следовать этому приказу, хотя до Трезубца было пятьсот километров. Им хотелось остаться в лесу, чтобы пустить кровь захватчикам, они даже коротко обсудили такую возможность, но скиутты, в отличие от нэйкельцев и джаго, боявшихся и не понимавших леса, ориентировались в нем отлично, и тягаться с их поистине звериным чутьем явно не стоило. Но за лесом лежала степь, и когда мальчишки вышли к ней, уже занимался рассвет. Очень скоро он перешел в день – и тогда появились нэйкельские штурмовики, странные, похожие на креветок биомеханические корабли с большим винтом на хвосте – стремительные и абсолютно безжалостные.

Борька на всю жизнь запомнил этот бесконечный день: бескрайняя высокотравная степь, жаркое солнце в ясном небе и непрерывно парящие в этом небе биомехи, выслеживающие группки выживших. Ни на секунду люди не оставались одни – все время вдаль в небесной синеве маячили несколько темных точек. Когда одна из них приближалась и ее очертания уже можно было различить – падали, заползали под высокую траву, благословляя ее и все равно чувствуя себя совершенно незащищенными. Несколько раз натыкались на сожженные плазменными пушками и, к счастью, неопознаваемые тела и понимали, что, если им не повезет, они просто станут следующими. Борька мучился пониманием того, что эти трупы – его земляки, и то, что он их не может узнать, ничего не меняет... В одном месте наткнулись на два очередных тела, и по росту мальчишки поняли: это ребята из отряда. Постояли немного, стараясь не присматриваться, чтобы, храни судьба, все-таки не *узнать* – потом пошли дальше... И было ясно: как бы теперь ни сложилась судьба, вместе им *всем* уже никогда не увидятся. Следующий костер с песнями и плясками будет, не может не быть... однако на него соберутся не все.

Война.

Кое-где по штурмовикам стреляли, но кончалось это всегда одинаково – очередной кучкой трупов. В одном таком месте Борька подобрал «мясорезку» – английский ручной пулемет с почти полным коробом стозарядной ленты. Польза от него была нулевой – более-менее точно стрелять из него можно было лишь лежа, с сошек, да и его патрон был совершенно бесполезен против штурмовиков, но мальчишка упрямо тащил четырнадцатикилограммовое оружие, понимая, что в любой миг им могут встретиться и живые враги – везде вокруг них на горизонте наклонными конусообразными столбами стояли дымы. Витька же постоянно менял оружие – убитых вокруг хватало и ему было, из чего выбирать. Вначале, почти сразу, он подобрал мелкокалиберную винтовку джаго, дешевую, неточную и ненадежную, но зато похожую на земное оружие, с полным рожком и гранатой в подствольном гранатомете. Потом нашел великолепный армейский «абакан», а в конце концов остановился на древней «мосинке» под еще более древний патрон с закраиной. Очень точное и с приличной отдачей оружие, давно снятое с вооружения, оно весило больше четырех килограммов, но било прицельно без оптики на добрый километр, что здесь, в степи, было важнее любых подствольников.

Борька временами плохо осознавал происходящее, словно так и не проснулся до конца после того ночного боя. В его глазах до сих пор стояли пылающие дома, в ушах звенело от взрывов. Он не знал, где его семья, совершенно не соображал, куда идти, – все, кого они видели в степи, шли на восток, к столице – но Витька почти с самого начала держал курс на одиноко торчавшую впереди ретрансляционную вышку. Они добрались до нее только в полдень – слишком долго пришлось лежать в траве, – и Борька задрал голову, разглядывая ее.

Усаженная антеннами вышка была высотой метров сто. Она стояла на крутом земляном кургане, окруженном сетчатым забором. В кургане зиял бетонный вход – под ним скрывался бункер с аппаратурой. Сама вышка осталась целой, но двери бункера были взорваны и вокруг читались следы ожесточенного боя. Внутри могло быть до фига неприятных сюрпризов, но Борька все равно полез туда, чтобы связаться со своими. Сумасшедший риск, но он себя оправдал – всего через час в бункере появились немногословные военные с нашивками 11-го уланского полка и быстро вывели мальчишек наверх, где их уже ждали «Буйволы» – огромные четырехосные армейские вездеходы, отправленные из столицы специально для сбора беженцев. Машин не хватало, и в кузов каждой набилась едва ли не сотня человек, но шума и протестов не было, серьезность ситуации понимали все.

К столице машины шли на полной скорости, не колонной, а широким фронтом – благо степь позволяла, с боевыми машинами на флангах, с зенитными самоходками в арьергарде – нападения Чужих ждали в любую минуту. Радары и пушечные стволы «Панцирей» непрерывно прощупывали чистое предвечернее небо, но штурмовики так и не появились. Такие храбрые с беззащитными, они уже научились избегать хорошо вооруженных земных конвоев.

Еще издали мальчишки заметили вознесшийся над степью колоссальный пепельно-белый купол – силовой щит столицы. Диаметр его достигал двадцати километров, высота – десяти, и он, казалось, даже не приближался – словно застывшая на горизонте огромная гора. Купол впечатлял – само собой, Борька видел планетарные щиты в стерео, но вот так, вживую, еще не сталкивался ни разу. Зрелище этого чуда техники, способного защитить Трезубец от всего, даже от ядерного удара, должно было вселять в их сердца гордость, но Борьке было очень обидно. Как ни крути, они бежали от врага, а какой пионер на это согласится?

Когда они, наконец, добрались до столицы (вблизи силовой купол смотрелся уже страшновато, он буквально давил своими размерами, и мальчишки облегченно вздохнули, отведя от него взгляд), оказалось, что нэйкельские дроны усеяли все подступы к нему минами, так что работа саперам предстояла долгая. Остаться в голой степи явно не стоило, поэтому колонну завернули к расположенному возле столицы космопорту. С гребня незаметного издали увала Борька увидел его длинное трехэтажное здание, на вид совсем целое. Справа и слева торчали еще какие-то ангары, а за ними в небо вонзалась высокая антенная башня.

Колонна повернула в ту сторону и всего минут через пять миновала широкие ворота в ограде. За ними уже стояли земные боевые машины, армейские – с зенитными спарками на башнях. Слева была трехэтажная коробка главного корпуса – целая, но совершенно пустая. Прямо из вестибюля длинная широкая лестница вела вниз – к толстым стальным плитам, которые начали медленно, бесшумно подниматься, открывая вход в шлюзы главного убежища космопорта...

* * *

В бункере было неожиданно светло, просторно и многолюдно – здесь, на двадцатиметровой глубине, помещался целый небольшой городок, сумевший вместить, наверное, несколько тысяч человек. В нем укрылись не только работники космодрома, но и многочисленные беженцы, которые не смогли попасть в город. Никакой тесноты, вопреки ожиданиям мальчишек, не было – имущества у беженцев почти не осталось, да и затеять суматоху тоже никто не пытался. Планы эвакуации предусматривали уход очень многих людей в лес к туземцам, но кто-то промедлил, кто-то припоздал, кто-то не захотел, и Трезубец стал настоящим лагерем беженцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.